

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »
СПЕЦНАЗ

В ВЕНЕСУЭЛЕ СКУЧНО БЕЗ ОРУЖИЯ

Сергей КУЛАКОВ

Сергей Кулаков

В Венесуэле скучно без оружия

«ЭКСМО»

2009

Кулаков С. Ф.

В Венесуэле скучно без оружия / С. Ф. Кулаков — «Эксмо», 2009

Капитан ГРУ Роман Морозов всегда отличался сильным, своевольным характером. Вот и на этот раз он не стал изменять себе. По заданию руководства Роман отправился в Южную Америку, чтобы участвовать в раскрытии заговора против лояльно настроенных к России президентов Венесуэлы, Боливии и Эквадора. Без согласования с местным начальством Роман внедрился в банду заговорщиков, решив самостоятельно выяснить место и время покушения. Однако он недооценил бандитов, которые быстро вычислили его. Шансов получить информацию у Романа теперь нет, равно как и выжить. Нужно сделать что-то невероятное, чтобы спастись самому и спасти политических лидеров. Время пошло...

© Кулаков С. Ф., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Венесуэла, 10 сентября 2008 года	5
США, Нью-Йорк, 16 сентября 2008 года	9
Москва, 17 сентября 2008 года	16
Москва, ГРУ, 17 сентября 2008 года	21
Венесуэла, вилла Ла-Плайя, 17 сентября	30
США, Нью-Йорк, 17 сентября	32
Нью-Йорк, 17 сентября	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Кулаков

В Венесуэле скучно без оружия

Венесуэла, 10 сентября 2008 года

Вилла синьора Рамеро утопала в цветах и зелени. Она стояла на высоком холме, и с балкона открывался прекрасный вид на побережье. Сезон дождей, мучивший страну с мая по ноябрь, здесь почти не ощущался. Разве что прольется иногда божья благодать с голубых небес, оросит сад и горные склоны, а более – никаких неприятностей.

Синьор Рамеро, высокий стройный мужчина с красиво тронутой сединой шевелюрой, принимал гостей. Таковых было двое: полный брюнет в белом полотняном костюме и тощий суровый генерал с лицом, изъеденным оспой. Оба гостя полулежали в плетеных креслах, выставленных на балкон, и пили мускатное вино, которое хозяин собственноручно выбрал для них в винном погребе.

– Все-таки французы понимают толк в вине, – с видом знатока произнес полный брюнет, катая розовую влагу по стенкам бокала.

– Французы понимают толк не только в вине, мой дорогой Фернандо, – с тонкой улыбкой заметил синьор Рамеро.

Генерал фыркнул, но ничего не сказал. Он поставил пустой бокал на стол и вытянул далеко вперед длинные жилистые ноги.

Хозяин неодобрительно покосился на него. Разве можно так хлебать драгоценный напиток? Да что с солдафона взять? Он, поди, и не понял, чем это вино отличается от той бурды, которой он и ему подобные привыкли утолять жажду каждый день.

Впрочем, синьор Рамеро постарался ничем не выдать своих чувств. Этот «солдафон» был одним из немногих, кто способен на настоящее дело. И ради того, чтобы заручиться его полной и безоговорочной поддержкой, синьор Рамеро готов был безропотно пожертвовать ему весь свой погреб.

– Еще, генерал Санчес? – спросил он, наклоняясь к бутылке.

Генерал отрицательно покачал головой.

– У меня правило: за обедом больше трех бокалов не выпивать.

И обнажил в ухмылке крупные желтоватые зубы.

Синьор Рамеро вежливо улыбнулся в ответ.

– Увы, я не могу похвастать таких здоровьем.

– Да, здоровье у меня что надо, – простодушно согласился генерал Санчес.

Он зевнул, не потрудившись прикрыть рот. Сытный обед и вино разморили его.

– Сигару? – спросил хозяин.

Генерал снисходительно кивнул и принялся выбирать из коробки сигару потолще.

– Возьмите сигару, синьор Фернандо, – обратился к брюнету Рамеро. – Это настоящая гавана. Единственное, что умеют хорошо делать на Кубе, так это сигары.

– Благодарю вас, Мануэль, – отозвался тот. – Но мой врач запретил мне курить.

– Какая жалость. В мире не так много удовольствий, чтобы отказываться от одного из них.

– Ну, зато я наверстываю в другом.

Глаза брюнета масляно блеснули, на пухлых губах заиграла улыбка. В этот момент на балкон вышла служанка, и он похотливо огладил взглядом ее стройные бедра и высокую грудь.

– Что-нибудь еще, синьор? – спросила служанка низким, хрипловатым голосом.

От ее голоса даже генерал пришел в волнение. Он подтянул ноги и выдвинул подбородок – олицетворение мужественности.

– Да, Мария, – кивнул Рамеро. – Принеси нам кофе, пожалуйста.

– Хорошо, синьор, – поклонилась Мария.

– Завари покрепче, детка, – напутствовал ее генерал.

Мария молча вышла.

После ее ухода Фернандо пощелкал языком.

– Вашу служанку стоит послать на конкурс красоты, уважаемый Мануэль.

– Хорошо девчонка, – согласился с ним генерал Санчес, даже не пытаясь скрыть свое вожделение.

– Да, в нашей стране хватает красивых девушек, – дипломатично ответил обоим синьор Рамеро. – Впрочем, у вас в Колумбии, дорогой Фернандо, их тоже немало.

– О, да, – согласился тот с игривой усмешкой.

– Нам бы еще умных политиков, и лучшей страны нельзя было бы найти во всем мире, – проворчал генерал Санчес.

– Золотые слова, мой генерал! – воскликнул хозяин.

На балконе воцарилось минутное молчание. Была затронута тема, ради которой, собственно, все и собрались.

– Президент не отложил свой визит в Эквадор? – осторожно поинтересовался синьор Рамеро.

– Нет. На следующей неделе едет, как и запланировал, – сказал генерал.

– А какова цель визита? – осведомился Фернандо.

– Корреа¹ хочет провести показательные учения. А без нашего полковника, как известно, ни одни учения не могут обойтись. Вот он и выразил желание на правах старшего товарища лично проинспектировать военные силы Эквадора. А заодно он хочет подарить братскому Эквадору кое-что из нашей военной техники. Кстати, он сделал очередной заказ России...

– Сколько он будет транжирить наши деньги? – возмутился синьор Рамеро. – Всю страну завалили автоматами Калашникова и старыми российскими истребителями. А ему все мало. Скоро Венесуэла превратится в свалку русского оружия.

– Вряд ли, синьор Мануэль, – вкрадчиво сказал колумбиец. – Пока ваш неистовый Уго не вооружит Кубу, Боливию и весь остальной коммунистический сброд, он не успокоится.

– Вот именно! – с горячностью отозвался Рамеро. – Скоро здесь возникнет коммунистический рай, а мы так и будем сидеть и смотреть, как голодранцы разбазаривают наше имущество. Глядишь, скоро сами останемся без штанов.

– Вам вроде бы грех жаловаться, дорогой Мануэль, – заметил Фернандо. – Я слышал, ваши кофейные плантации пока не собираются национализировать.

– Э, бросьте, – отмахнулся тот. – Мои плантации – это лишь малая часть того, чем владели когда-то мои предки. Чертов индеец лишил меня всего. Чудо еще, что у меня остался этот уголок. Но, боюсь, если положение в стране не изменится, я лишусь и этого.

– Ну, зачем вы так трагично...

– Синьор Фернандо, – невесело усмехнулся Рамеро, – хорошо вам меня успокаивать, имея долю в кокаиновом бизнесе. Ваша страна, слава богу, не сошла с ума и понимает, что миром правят деньги и только деньги. А здесь вы сами видите, что творится.

– Да, – сочувственно покивал гость.

Генерал Санчес негромко кашлянул, как бы заявляя о своем желании участвовать в разговоре. Рамеро и Фернандо выжидательно уставились на него.

---

¹ Рафаэль Корреа – президент Эквадора (прим. авт.).

– Мы готовы, – коротко сообщил Санчес. – Если колумбийцы нас поддержат, я гарантирую, что армия в течение дня окажется в наших руках.

– Колумбийцы вас поддержат, – уверенно заявил синьор Фернандо. – На границе сосредотачиваются крупные силы. Уже собраны отряды командос общей численностью в полторы тысячи человек.

– Этого мало, – сказал Санчес.

– Это лишь начало, генерал, – заверил его Фернандо. – Через неделю у вас будет поддержка в пять тысяч отборных бойцов. Стоит им лишь дать сигнал, и они перейдут границу.

– Пяти тысяч будет достаточно, – кивнул Санчес. – С такими силами я готов принять на себя командование восстанием. Однако все это не будет иметь никакого смысла, если президент останется жив. Беднота сходит по нему с ума и снова заставит выдать его им, как это было шесть лет назад.

– Он не останется жив, – сказал негромко Рамеро.

Фернандо посмотрел на него.

– Вы уверены, дорогой Мануэль?

– Абсолютно, – улыбнулся Рамеро.

Он изящно поднес сигару ко рту и выпустил облако дыма.

– Выкладывайте, черт возьми, – рассердился Санчес. – Или мы по-прежнему будем играть в кошки-мышки?

Синьор Рамеро не обиделся. Ему даже понравилась горячность генерала. Такие люди видны как на ладони. Надо лишь умело руководить ими. И давать сладкий пирожок, чтобы они послушно выполняли команды.

На балконе появилась Мария с подносом в руках.

Но на этот раз гости почти не заметили ее появления. В полной тишине она налила кофе и вышла.

– Итак, синьор Рамеро? – глянул на хозяина колумбиец.

– Я не зря спросил генерала Санчеса о планах президента, – сказал Рамеро. – Его поездка в Эквадор – дело решенное, не так ли, генерал?

– Именно так, – подтвердил тот.

– Так вот, господа. Покушение будет устроено там.

Санчес поперхнулся дымом.

Фернандо поднял широкие дуги бровей.

– То есть в Эквадоре?

– Да, в Эквадоре.

– Но это невозможно практически...

– Невозможно, – подтвердил генерал.

– Для нас – да, – согласился с улыбкой Рамеро. – Но не для ЦРУ.

– Ах, вот как, – протянул Фернандо.

Он покивал и откинулся в кресле, как бы давая понять, что теперь он спокоен за ход дела.

– Можно узнать об этом поподробнее? – спросил со своей солдатской прямоотой генерал Санчес.

– Боюсь, что нет, генерал, – мягко возразил Рамеро. – И дело вовсе не в том, что я вам не доверяю. Какие-либо подробности покушения засекречены от меня самого. Как вы понимаете, операция такого рода требует сугубой секретности. Даже то, что я поделился с вами этой информацией, является в некотором роде ошибкой с моей стороны. Но поскольку мы заняты одним делом, я счел необходимым посвятить вас в некоторые детали.

– Значит, – медленно заговорил генерал, – если я правильно вас понял, синьор Рамеро, на следующей неделе Уго придет конец?

– Вы правильно меня поняли, генерал Санчес.

– Но если у ЦРУ ничего не выйдет?

Рамеро снисходительно улыбнулся.

– ЦРУ настолько заинтересовано в успехе этой операции, что в ее успешном осуществлении можно не сомневаться.

– Дай-то бог, – проворчал Санчес.

Рамеро не осудил генерала за недоверчивость. «Чертов индеец», как он неизменно называл президента, был точно заговоренный. На него было организовано по меньшей мере два десятка серьезных покушений. И всякий раз он благополучно избегал смерти.

Конечно, во многом виноваты предатели, кормившиеся из двух кормушек сразу. Но нельзя было скидывать со счетов и невероятную везучесть этого мужлана. Он словно набрался изворотливости у своего друга, старого маразматика Кастро, и теперь открыто носился по стране, громогласно хвастаясь своей неуязвимостью.

Но на этот раз ему не выскользнуть. Человек из ЦРУ заверил, что в Эквадоре капкан захлопнется. После чего начнутся кардинальные изменения не только в Венесуэле, но и во всей Южной Америке. Ибо в Эквадоре настанет конец не только венесуэльскому президенту.

Но эта информация была настолько секретна, что ее могли знать только самые надежные люди. Не то чтобы синьор Рамеро не доверял этим двоим – ставка была слишком высока. Он не имел права рисковать. И потому поделился со своими гостями лишь частью информации.

– Когда дело касается прямых интересов США, в ЦРУ шутить не любят, – изрек колумбиец.

– Вот именно, дорогой Фернандо. Теперь вы можете сообщить полевым командирам, что вероятность выступления их отрядов равняется ста процентам.

– Я сообщу им об этом сегодня же, – отвечал с улыбкой гость.

Благодушие снова вернулось к нему, и он поднес к затрепетавшим ноздрям чашечку с кофе.

– Этот кофе с ваших плантаций, синьор Мануэль?

– Да, – кивнул тот. – Кстати, как вы находите этот сорт, дорогой Фернандо?

Колумбиец сделал крошечный глоток и поднял глаза к небу.

– Восхитительно.

– Рад услышать похвалу истинного ценителя.

Они обменялись понимающими взглядами.

– А что мне сообщить своим офицерам, синьор Рамеро? – спросил нетерпеливо генерал Санчес. – Могу я назвать им точную дату выступления?

– Ни в коем случае, – отрезал Рамеро. – Пусть будут готовы в любой день – и этого достаточно. Тем более что точный день выступления не известен даже мне.

– Когда же он станет известен? – спросил упрямый вояка.

– Наберитесь терпения, генерал, – отвечал хозяин, делая жест, достойный его предков-аристократов.

Синьор Фернандо усмехнулся и тихонько поставил чашку на стол.

США, Нью-Йорк, 16 сентября 2008 года

– Еще кофе? – хмуро поинтересовался из-за стойки бармен, небритый усатый мексиканец, словно вышедший из фильмов Квентина Тарантино.

Молодой человек, к которому был обращен вопрос, с трудом оторвал взгляд от двери и заглянул в свою кружку. Она была пуста. Она была пуста давно, и он не замечал этого лишь потому, что был слишком поглощен своими мыслями.

Вопрос бармена напомнил ему, что пора либо повторить заказ, либо выметаться из заведения. И хотя многие столики оставались свободными, никто не собирался терпеть его здесь только потому, что на улице льет дождь, а в карманах у него свищет ветер.

Молодой человек отчаянно запустил левую руку в рыжую шевелюру, пытаясь пригладить непослушные вихры, а правую сунул глубоко в карман джинсов, перебирая те жалкие гроши, что в нем лежали.

При этом он не забывал коситься на дверь.

Но человек, которого он ждал, все не шел.

Избегая тяжелого взгляда бармена, молодой человек довольно неуклюже делал вид, что вот-вот вытащит из кармана нечто более серьезное, чем собственную руку. При этом он громко звякал тремя оставшимися пятицентовиками, давая понять, что деньги у него все-таки есть и его платежеспособность не подлежит сомнению.

Бармен протер последний стакан и ушел в кухню, кинув на незавидного посетителя взгляд, исполненный грозного значения.

Тот перестал рыться в кармане и с тоской посмотрел в окно. За толстым, не совсем чистым стеклом лило, как из ведра. Фонарь освещал мокрый тротуар и блестящие бока автомобилей.

Ничего не поделать. Надо выходить под дождь. Он оплатил две чашки кофе, но на третью денег не хватало.

Беда в том, что он слишком рано пришел. Он явился в начале десятого, хотя встреча была назначена на десять. Чтобы ему не поваляться лишние полчаса дома?

Все проклятый Билли. Этот черномазый подонок не давал и минуты спокойной жизни, не то что полчаса. Того и гляди завалится сюда со своей бандой.

Часы над баром показывали без десяти десять. Оставалось продержаться каких-то десять минут. Не то на улице в своей тонкой ветровке он промокнет за одну минуту. А за десять превратится в ходячую лужу. И при этом нет никакой гарантии, что человек, которого он ждет, все-таки объявится.

Он сам назначил время и место. Наверное, это было ошибкой. Если бы время и место назначили они, у него было бы больше шансов. А так он мог их спугнуть. Кто знает, какие у них там правила и можно ли им приходиться на встречу с незнакомцем и в незнакомое место?

Та информация, которую он сообщил по телефону, была до крайности скупа и оттого вряд ли привлекательна настолько, чтобы они проявили интерес к информатору. Вдобавок, он бросил трубку, не дождавшись внятного согласия на встречу. Надо было перезвонить, но он не решился этого сделать. Он и так полез туда, куда ему лезть не следовало. И если бы не долг Билли, он бы нипочем не сделал этот звонок.

Но Билли предупредил в последний раз. А шутки с ним плохи. Недавно один из его должников, Тед Лоусон по прозвищу Пиявка, был найден в заливе с перерезанным от уха до уха горлом. Подстроено все было так, будто это ограбление, но сведущие люди шептались, что это дело рук Билли.

Возможно, Билли сам распускал эти слухи. Но даже если Лоусон действительно был ограблен и убит обдолбанными ниггерами, случайно встретившимися ему по дороге, то это

вовсе не означало, что Билли не способен проделать подобный фокус с кем-нибудь другим, в том числе и с ним, Алеком Ранком.

Вернулся бармен.

Уперев обе руки в стойку, он подался грудью вперед и криво ухмыльнулся.

– Плохи дела, приятель?

Алек неуверенно пожал плечами.

– Я бы так не сказал...

Часы над стойкой показывали без трех минут десять.

– Или заказывай, или убирайся, – сказал бармен. – Я не хочу быть уволенным только из-за того, что лил слезы над каким-то неудачником.

– Я сейчас уйду, – ответил Алек, теребя свои рыжие вихры. – Но я жду одного человека.

Он должен прийти, и тогда, возможно, я... мы что-нибудь закажем.

Бармен сделал нетерпеливый жест.

– Рассказывай сказки своей мамаше, если она у тебя есть. А мне нечего лапшу на уши вешать. Если не хочешь, чтобы я вызвал полицию, немедленно убирайся.

Он поставил на стойку телефон.

– Ну?

Алек медленно поднялся, цепляясь за стол и еще на что-то надеясь. Хотя надеяться было не на что. Он сам себя обманывал. Эти люди ему не поверили. Он запросил слишком много. Хотел отдать долг Билли и оставить что-нибудь себе. А в результате не получил ничего. Нужно было просить пять кусков. С пятью кусками они бы как-нибудь расстались. А десять – слишком много. Он сглупил.

– Убирайся! – прорычал бармен.

Поздние посетители равнодушно наблюдали за сценой изгнания. Некоторые вообще отвернулись, делая вид, что это их не касается.

Алек медленно двинулся к выходу.

Мысль о том, что сейчас он несолоно хлебавши вернется в свою конуру, была невыносима.

Бармен своим взглядом словно толкал его в спину, и Алек, спотыкаясь, брел к выходу. Глянув в окно, он увидел, что дождь припустил еще сильнее. Стоять на улице бессмысленно. Воспаление легких – не лучшая награда за долготерпение.

Алек открыл дверь, вздрогнул от охватившего его холода – и вдруг прямо из дождя к нему шагнул какой-то человек.

– Алек? – негромко спросил он.

Алек попятился. Вода с зонта незнакомца пролилась ему на щеку и ледяной струйкой поползла по шее.

– Да...

– Идемте.

Человек повернулся и, не оборачиваясь, двинулся вниз по тротуару.

Алеку ничего не оставалось делать, как последовать за ним.

Человек шел быстро, слегка сутулясь и клонясь головой к левому плечу. Был он среднего роста, обычной комплекции, и его внешность отнюдь не поражала взор. Зонт, который он держал в руке, только усиливал ощущение какого-то недоразумения. Заурядный служащий, «офисный планктон», непонятно зачем оказавшийся в столь позднее время на окраине города, в одном из самых грязных его кварталов.

Последнее, впрочем, вселяло оптимизм. Ибо если человек рискнул появиться в этом районе, довольствуясь тем мизером, который из осторожности забросил в качестве наживки Алек, то еще можно было на что-то рассчитывать.

– Куда мы идем? – спросил Алек, догоняя незнакомца.

– Сейчас, – бросил тот через плечо.

Он свернул за угол и пискнул сигнализацией, не вынимая руку из кармана плаща.

Алек похолодел. Почему-то эта деталь едва не заставила его развернуться и броситься наутек. Он вдруг отчетливо осознал, в какое дело ввязывается, поскольку не было никаких сомнений в том, что в кармане у этого человека лежит не только ключ от машины, но и пистолет. Если бы не дождь, Алек наверняка так бы и поступил. Но бьющие по голове и плечам тяжелые капли заставили его подойти к машине и сесть на переднее сиденье.

В салоне было тепло и пахло хорошими сигаретами. Тело Алека сотрясалось мелкой дрожью. Стекающие по лобовому стеклу извилистые струи казались страшнее, чем пистолет незнакомца или нож Билли.

– Как вы меня узнали? – спросил Алек, искоса наблюдая за своим соседом.

Тот сидел смирно, руки держал на виду.

Алек начал успокаиваться. Глупые страхи. С какой стати им его убивать?

– Вы были единственным рыжеволосым в кафе, – ответил незнакомец. – И только вы один так отчаянно ждали десяти часов.

– Вы следили за мной? – догадался Алек.

– Да.

Алек подумал о том, что сколько он ни таращился в окно, никого там не видел. Во всяком случае, мужчину в плаще и с зонтом он заметил бы. Похоже, тот был чемпионом по игре в прятки.

– Как долго?

– Достаточно долго, чтобы идентифицировать вас.

Незнакомец говорил очень спокойно. Как видно, состояние Алека не было для него загадкой, и он старался внушить ему такое же спокойствие, каким сам, похоже, обладал в избытке.

– Ну да, – усмехнулся Алек. – Узнать меня было нетрудно.

– Вот именно.

Алек поерзал, садясь удобнее. При этом он не забывал следить за руками незнакомца.

– Я могу узнать, как вас зовут?

– Константин.

«Готов поспорить, что он придумал имя только что», – мелькнула мысль в голове у Алекса.

Впрочем, ему не было никакого дела до настоящего имени этого человека. Узнал, как к нему обращаться, и ладно. Обременять себя лишними знаниями не стоило. Этому учили все детективные фильмы, которых Алек пересмотрел не одну сотню.

– Хотите закурить? – спросил Константин, протягивая пачку «Житана».

– Да. Спасибо.

Они закурили, слушая, как дождь стучит по крыше. В машине было темно, и Алек видел лишь профиль своего соседа.

– Итак, что у вас? – перешел к делу Константин, аккуратно гася окурок в пепельнице.

Алек помедлил. Для начала ему хотелось услышать о гарантиях.

Константин сунул руку за пазуху, вытащил продолговатый конверт, приподнял его так, чтобы на него падал свет от фонаря.

– Здесь то, что вы просили.

Алек сглотнул, не отрывая глаз от конверта. По виду, в нем все десять тысяч.

Константин спрятал конверт в карман.

– Я вас слушаю.

– У меня диск, – сказал Алек. – На нем информация...

– Давайте, – потребовал Константин.

Алек достал из внутреннего кармана бокс с мини-диском, протянул Константину.

Тот молча взял его, вставил в ноутбук, воткнул наушник в ухо, пощелкал клавишами. Несколько минут напряженно слушал.

Затем снял наушник и посмотрел на Алека.

– Как к вам попала эта запись?

В темноте глаза Константина отливали металлическим блеском. Алек снова испугался, вспомнив о пистолете. Но близость конверта придала ему храбрости. Тем более что отступить было некуда.

– Видите ли, я иногда балуюсь хакерством. Ну, вылавливаю всякого рода информацию в Нете, а потом пытаюсь сделать на этом бизнес. Вы понимаете?

– Да.

– Кроме того, я залезаю в телефонные сети. Это больше для развлечения. Бывает, такие приколы услышишь...

– Понятно, – перебил его Константин. – Эту запись вы сделали когда?

– Позавчера.

– И сразу же решили позвонить нам?

– Да...

– Почему именно нам?

– Ну, мне показалось, что вам это будет интересно.

– Больше вы никуда не обращались с аналогичным предложением?

– Нет, клянусь вам!

– Хорошо. Но на этом диске, как я понимаю, только часть разговора?

– Именно так.

– Где же остальное?

– У меня дома. На винчестере. Если вы согласны купить информацию, едем ко мне.

Константин замолчал, обдумывая ответ.

– Можно мне получить мой диск? – спросил Алек.

– Держите.

Алек спрятал диск в карман, думая о том, что покупатель, похоже, заинтересовался всерьез.

Он похвалил себя за предусмотрительность. Если бы на диске был записан весь разговор, Константин скачал бы его себе – и поминай как звали.

А так придется раскошелиться. Алек все продумал. Сначала Константин отдаст ему конверт с деньгами, а только потом Алек сообщит пароль. Иначе – никакого разговора не получится. Даже если Константин захочет силой забрать винчестер, что Алек тоже предусмотрел, то на разгадывание пароля у него уйдет месяца три-четыре. Информация к этому времени потеряет актуальность, поэтому похищать винчестер просто нет смысла.

В общем, кажется, дело выгорит.

– Ну так что, едем? – спросил Алек.

– Да, – кивнул Константин. – Но я должен убедиться, что у вас не осталось копии этой записи.

– Но она мне не нужна, – пожал плечами Алек.

– Окажемся на месте – проверим.

– Согласен.

– Поехали, – сказал Константин, включая двигатель. – Показывайте дорогу.

– Сейчас направо, на перекрестке – налево, – с готовностью сообщил Алек. – Извините, можно сигарету?

– Пожалуйста...

Через десять минут они остановились под эстакадой надземного метро. Когда выходили из машины, над головой с грохотом и свистом промчался поезд. Гулкое эхо ударило в соседний дом и тут же заглохло в потоках дождя.

Константин раскрыл зонт, глянул на Алека.

– Туда, – указал тот на крышу восьмиэтажного дома.

– Идем.

Гуськом они миновали первый дом и свернули за угол. Константин не предложил Алеку укрыться под своим зонтом, да тот и не просил: предавшись мечтаниям, он не замечал уже ни холода, ни дождя.

Через четверть часа десять тысяч будут у него. Завтра же он отдаст долг Билл и смоемся из этой дыры. Махнет в Калифорнию, где начнет новую жизнь. Там всегда тепло, и даже зимой нет таких жутких ливней. И хватит с него свободного плавания. Пора браться за ум. Друзья давно зовут его в Силиконовую долину. Самое время воспользоваться их предложением.

Они вошли в арку, ведущую к жилищу Алека. Тусклый фонарь в конце арки то гас, то снова вспыхивал голубоватым мерцающим светом.

– Уже пришли, – счел нужным сообщить Алек.

Сказал больше для того, чтобы услышать свой голос и ощутить, что он здесь не один. Алек всегда чувствовал себя паршиво в этом воняющем мочой переходе.

– Хорошо, – отозвался Константин.

Услышав его спокойный голос, Алек почувствовал себя бодрее. Все хорошо. Все просто отлично. Как здорово, что он додумался позвонить этим людям.

– Какая встреча! – послышался позади громкий, с издевательской ноткой голос.

Только не это!

– Ну, куда ты разогнался? Нехорошо бегать от старых друзей.

– Что ты, Билли? – возразил Алек, разворачиваясь и изо всех сил изображая на лице улыбку. – Я и не думал от тебя бегать.

Билли, здоровенный негр в кожаном ковбойском плаще, неторопливо шел по переходу. За ним вышагивали четверо головорезов.

– Ну здравствуй, Алек, – широко улыбнулся Билли.

Половина его передних зубов была из чистого золота. От бритого, мокрого черепа голубыми искорками отражались вспышки фонаря. Обе руки были чуть не по локти засунуты в карманы плаща. На шее болталась золотая цепь в палец толщиной.

Алек незаметно скрестил за спиной пальцы.

– Здравствуй, Билли.

– Торопишься?

Алек пожал плечами.

– Не так, чтобы...

Билли и его люди наглухо закупоривали проход. Бежать в сторону двора бессмысленно. Там тупик. Надо постараться умиротворить эту образину. Какая досада, что деньги все еще у Константина. Попросить его, чтобы он отдал долг Билли прямо сейчас?

Алек покосился на своего спутника. Тот будто растворился, прижавшись к стене. Лицо его выражало все, что угодно, но только не желание помочь.

Нет, этот деньги просто так не даст. Пока не получит свою запись, не даст.

– Завтра последний день, Алек, – не поленился напомнить Билли.

– Я помню, Билли. Завтра я тебе все отдам.

Билли озадаченно помолчал. Похоже, его удивила уверенность, с которой были произнесены эти слова.

– Все шесть штук? – наконец спросил он.

– Почему шесть? Я же брал пять...

– Проценты, Алек. Ты забываешь о процентах. Шесть штук, и это при том, что я человек добрый.

– Хорошо, Билли, – сдался Алек. – Шесть так шесть. Я могу теперь идти?

– Куда ты торопишься, Алек?

– Есть дела.

– У всех есть дела. Не стоит так торопиться.

Билли внезапно повернулся к Константину.

– Этот с тобой?

Константин сделал шаг вперед.

– Я сам по себе. И мне надо идти.

Он замолчал, не двигаясь с места. Понимал, что разговор не может быть закончен так просто.

– Какие сегодня все торопливые, – почмокал толстыми губами Билли. – И никто не хочет поговорить со стариной Билли.

– Вот мой бумажник, – сказал Константин. – Если хотите, я отдам вам часы. Правда, это дешевая китайская подделка.

Его голос был спокоен. Слишком спокоен для того, чтобы ввести в заблуждение Билли.

– Я у тебя еще ничего не просил, а ты уже сам мне все отдаешь, – заметил тот. – А потом будут говорить, что в нашем районе высокий уровень преступности. Я вот своим ребятам всегда толкую одно: не верь тем, кто спешить вывернуть карманы. Это либо извращенец, либо легавый.

Он подался к Константину.

– Ты легавый?

Константин стоял, не шевелясь. Казалось, Билли обнюхивает его в темноте.

Алек сжался. Сейчас Константин выхватит пистолет – и начнется светопреставление.

– Нет, ты не легавый, – послышался удивленный голос Билли. – Тогда, выходит, извращенец. Эй, Алек, ты что, решил водить мужиков, чтобы отдать мне долг?

– Это мой деловой партнер, – не выдержал Алек.

– Вот как это теперь называется? Слышали, парни? Деловой партнер.

– Билли, – твердо сказал Алек. – У всех у нас свои дела. Если ты хочешь, чтобы я отдал тебе долг, позволь нам уйти.

– Нам? – переспросил Билли.

Алек понял, что дал маху. Но что-либо исправлять было поздно. Только усугубишь положение.

– Ты уйдешь, Алек, – пообещал Билли. – Но только после того, как мы выпотрошим твоего «делового партнера». Эй, Буч!

Одни из негров, габаритами не уступающий Билли, шагнул к Константину и положил ему на плечи свои лапищи. И сейчас же согнулся пополам – тяжелая ручка зонтика врезалась ему между ног.

Вопреки ожиданиям Алека, пистолета у Константина не оказалось. Зато своим зонтиком он действовал до того решительно и ловко, что, казалось, победа бесспорно останется за ним.

Обезвредив Буча ударом в пах, он с маху шарахнул по физиономии еще одного, затем второго – и уже расчистил себе дорогу, когда начал действовать Билли.

Билли не зря когда-то выступал в первом дивизионе. В его громоздком теле заключалась стартовая мощь спринтера. Бросившись вперед, он левым хуком ударил Константина в голову. Тот успел уклониться, но вторым ударом Билли все же зацепил его по затылку, и Константин мотнулся к стене.

На него налетели всей сворой. Алек видел, как костяная рукоятка зонтика размозжила нос Бучу, как, воя от боли, отлетел в сторону еще один из нападавших, как у Константина

оторвался рукав... Затем послышался короткий чавкающий звук, за ним второй, третий – и бой прекратился.

Алек закрыл глаза, силясь удержать рвущийся из горла крик.

– Готов, – послышался гнусавый голос Буча.

Алек открыл глаза. Один из негров, нагнувшись, вытирал нож о полу плаща Константина.

Второй рылся у него в карманах.

– Держи, Билли, – прохрипел он.

Билли принял продолговатый конверт, заглянул внутрь, подвигал там большим пальцем.

– Ого, – присвистнул он. – Неплохо. У тебя был богатый клиент, Алек.

– Это мои деньги, – с отчаянием сказал тот.

– Это мои деньги, – возразил Билли.

Он спрятал конверт в карман и подмигнул Алеку.

– Вот так-то, брат.

– Барахло брать? – спросил негр, вытаскивая из плаща бумажник.

– А что там?

– Пара десятков баксов, кредитки, ксива какая-то...

– Оставь, – распорядился Билли. – Мы взяли свое. Зачем нам лишние проблемы?

Он задумчиво посмотрел на Алека.

– Ты ведь не отдашь мне завтра долг, верно?

Алек молчал, глядя на распростертое у стены тело.

– И не скоро отдашь, – подытожил за него Билли. – Если вообще когда-нибудь отдашь.

И что будем делать?

– Я заработаю, – разжал губы Алек. – У меня есть идеи, я заработаю...

– Ты уже заработал, – ухмыльнулся Билли, блеснув золотыми зубами. – Вот что. Идешь с нами. Есть у меня одно соображение на твой счет.

– Но куда?

– Там узнаешь. Берите его, парни.

Негры развернулись и двинулись к улице.

Алек, застывший было на месте, почувствовал, как крепкая рука ухватила его за шиворот и куда-то потащила за собой.

Фонарь снова мигнул, а затем погас окончательно.

Москва, 17 сентября 2008 года

Роман на минуту проснулся, сбросил со своего живота ногу спящей возле него девушки и повернулся на бок. Свет из окна ударил в глаза, но это ему несколько не мешало Хотелось еще подремать, поскольку спал Роман всего часа три, а этого для полноценного отдыха недостаточно.

Избавившись от давившего на него груза, он снова заснул, но тут из глубины квартиры завыл мобильный.

Девушка что-то жалобно простонала во сне и начала шарить рукой по плечам и затылку Романа.

– Спи ты, – проворчал он, поднимаясь, как зомби, с закрытыми глазами.

Выставив руки, он двинулся на зов телефона. Он помнил, что оставил его в пиджаке, а пиджак, кажется, в прихожей... Хотя, возможно, в гостиной. Ведь начали они с гостиной.

Роман добрался до прихожей. Звук мобильного стал громче, и он понял, что движется в верном направлении, хотя вроде бы еще и спит. Тут ведь как? Может, пустяк какой, секундное дело, тогда зачем просыпаться? Пробормотал машинально в трубку «да» или «нет», и все, иди спи дальше. И не надо прерывать основной процесс.

Так, звук все ближе. Ага, вот и пиджак. Роман провел рукой по шелковистой ткани – настоящий Пьер Карден, между прочим, – залез во внутренний карман, нащупал вибрирующий телефон.

Как ребенок некормленный, честное слово, кричит, надрывается. Ни соску некому дать, ни подгузник сменить. У ты, маленький. Сейчас я тебя...

– Ну, что у нас случилось? – просюсюкал Роман, сползая по стене на корточках.

– Морозов! – рявкнул Дубинин. – Ты где шляешься? И что за тон? Ты что, обкурился? Сколько я буду ждать?

Роман только мигал, поднимаясь с каждым словом все выше. Умел подполковник к жизни вернуть. Поди, в армии был тем еще зверем-сержантом.

– Морозов? Ты чего молчишь?

– Так слушаю...

– Хорошо, хоть слушаешь, – уже спокойнее сказал Дубинин.

Вообще, куратор капитана Морозова был человек сдержанный, порой даже слишком. Повышение тона в обращении с подчиненным он позволял себе только в двух случаях: когда подчиненный забывал, что он подчиненный, и когда подчиненный забывал, что служба стоит несколько впереди всего остального.

Сейчас, похоже, был второй случай. И хотя Роман о службе не забывал никогда, на этот раз он должен был признать, что попытался отодвинуть ее на второй план, чего делать ни в коем случае не стоило. Ибо Контора не простила манкирование собой даже в микроскопической степени.

Роман моргнул в последний раз и окончательно проснулся.

– Что-то случилось?

Дубинин вздохнул.

– А ты как думаешь?

– Думай лучше ты, подполковник, – попросил Роман, беря сигареты с телефонной полки.

– Опять прожигал жизнь? – почти сочувственно спросил Дубинин.

– Познавал, подполковник, познавал.

– Водка, бабы, казино?

– Коньяк, вообще-то...

– Ну, извини, ошибся.

Роман закурил. В голове прояснилось. Было уже понятно, что Дубинин звонит не обычной проверки ради. Длинные вступления вообще не в его стиле. Обычно за ними что-то кроется. Хитрый куратор как бы прощупывал подчиненного перед тем, как сообщить ему главную новость. То есть мог бы и не сообщать, если бы понял, что с подчиненным что-то не так. Какие именно приметы говорили ему, что «не так», понять было невозможно. Наука, как никак, не каждому дано.

– Ты как там, в форме?

Роман запоздало оглядел себя.

Хорошо еще, что в трусах. А то в полном неглиже разговаривать с начальством как-то негоже.

– Практически без.

– Морозов!

– Да в порядке я, подполковник.

Роман с хрустом потянулся, выпустил самоварную струю дыма. В затылке тупо заныло, но он прижался к холодной стене и стало полегче.

Не надо было вчера пить после коньяка шампанское. Хлебнул сдуру под выигрыш, вот и получи.

Тут вспомнилось такое, что сразу омрачило и без того не лучезарно начавшийся день.

– Жду тебя через час, – сухо сообщил Дубинин.

– Что?

– Елки-палки, ты каким местом слушаешь? – снова начал накаляться куратор.

– Виноват, товарищ подполковник. Теперь тем.

– Морозов, еще одна такая шутка, и я тебя сгною на периферии, – мрачно пообещал Дубинин.

– С кем же тогда вы будете вспоминать молодость?

– С твоим сменщиком.

В голосе подполковника появилась настоящая угроза, и Роман понял, что пора остановиться. Можно было делать все, что угодно: уходить в загул, позорить ряды ГРУ, являться на доклад небритым, даже открывать ногой дверь в кабинет генерала Слепцова, начальника отдела, но только не доводить личные отношения с Дубининым до опасной черты.

– Все, товарищ подполковник, через час буду.

– Так-то лучше, – проворчал Дубинин и немедленно дал отбой, чтобы не вводить подчиненного в искушение надерзить ему еще раз.

Знал подполковник людей, ох, знал. Ибо Роман был зол, как сто чертей. Пробуждение придало его мыслям ретроспективное направление, и он с отвращением к себе и ко всему миру вспомнил, что вчера, после выпитого за выигрыш шампанского, он не только проиграл этот самый выигрыш, но и спустил все, что было у него в карманах и даже на кредитной карточке.

И что теперь делать, черт его знает.

Нет, соображения, конечно, имелись. Но соображения – это область умозрительная, реальных денег по щучьему велению не приносящая. А деньги нужны были уже сейчас. Та красавица, что нежилась в его постели, вряд ли довольствуется ночью любви. Ей тоже надо на что-то жить. Правда, в казино он совал ей какие-то фишки, но то было ночью, а сейчас новый день и, соответственно, новые заботы.

Хоть бы на такси ей пару сотен сыскать, а то, право слово, стыдно.

Пока варился кофе, Роман перемещался по квартире, обыскивая карманы пальто, пиджака и брюк. В результате ему удалось наскрести некоторую сумму – настолько смехотворную, что ее не стоило и предлагать.

Не падая духом, Роман обдумывал одну заманчивую мыслишку.

А что, если одолжить у девушки фишки и попробовать отыгаться? Хладнокровно, по маленькой он сумеет за ночь кое-что отбить. Ну, а там будет легче.

Главное, чтобы она правильно поняла его устремления и не решила, что он пытается отобрать у нее аванс.

Вот что. Надо взять ее в долю. Девушка она, кажется, неглупая, должна свою выгоду понять.

Кстати, не мешало бы вспомнить, как ее зовут. А то начнешь перебирать имена, а она как обидится – и весь бизнес-план коту под хвост.

Роман натянул джинсы, но торс оставил обнаженным. Отнюдь не хвастовства ради. Просто он отлично знал, что вид его худощавого, но мускулистого тела гарантированно ввергает женщин в предэкстазное состояние. А оно очень даже способствует ведению деловых переговоров.

Налив кофе в нарядный кофейник, Роман поставил его на поднос, рядом поместил чашку, стакан сока, блюдо со слегка ссохшимся крекером (остался с прошлого раза) и направился в спальню.

– Доброе утро!

Будить женщину – дело неблагодарное, а в данном случае так и чреватое срывом переговоров. Но время поджимало. Через пятнадцать минут он должен выйти из дома. Следовательно, надо все делать быстро.

Девушка потянулась, ничуть не смущаясь тем, что одеяло сползло и обнажило правую грудь. Весьма, надо сказать, красивую грудь. Роман, как ни был напряжен, почувствовал внизу живота томную вибрацию.

Не сейчас, приказал он себе. Опоздаю, Дубинин поставит в угол. Коленями на горюх.

– Привет, – хрипловатым со сна голосом сказала девушка.

Ее глаза скользнули по плечам Романа.

– Иди ко мне, – попросила она.

На пререкания времени не было, и Роман, поставив поднос на тумбочку, послушно упал в ее объятия.

– Ты такой милый, – сказала она через десять минут, садясь на кровати и беря сок. – Это все мне?

– А кому же?

– Спасибо.

– Послушай, Марина, ты торопишься? – спросил Роман, давая таким образом деликатно понять, что ему пора уходить.

– Ира, – спокойно поправила она.

В ее глазах мелькнуло что-то вроде удовлетворения, но Роман не обратил на это внимания.

Ее спокойствие его обнадежило. Он терпеть не мог, когда девушки устраивали ему сцены по поводу его слабой памяти. Память у него была в порядке, это он знал наверняка. Просто девушек здесь перебивало столько, что поименное их запоминание теряло всякий смысл. Только голову забивать. Но объяснить это было невозможно, и если ситуация не требовала, он предпочитал обходиться без имен, применяя универсальных «заек», «котиков», «рыбок» и прочую фаунистическую ономастику.

– Ира, послушай, – вдохновенно начал он, поглаживая ее по теплой лодыжке. – Такое дело...

– Я не проститутка, – сообщила она.

– Нет? – растерялся Роман.

– Нет.

Она улыбнулась.

– Налей мне кофе, пожалуйста.

Роман налил кофе, стараясь, чтобы облегчение на его лице проступило не слишком сильно.

– А что же ты делала в казино?

– Ставила эксперимент.

– Да-а? – озадаченно протянул Роман.

– Я собираю материал для дипломной работы, – пояснила Ира.

– Вот как. И что за тема?

– Поведенческие особенности игроков.

Заявление было настолько неожиданным, что Роман решил задержаться еще на несколько минут.

– И что за особенности? – спросил он осторожно.

– Меня интересует способность игроков в рулетку удерживать в памяти имена сексуальных партнеров.

Роман почувствовал, что краснеет.

– Любопытное исследование, – пробормотал он.

– Да, – кивнула Ира. – Представляешь, из тех сорока трех партнеров, которых я протестировала, лишь семеро помнили наутро мое имя.

Час от часу не легче. Роман с беспокойством начал вспоминать, использовал ли он ночью презервативы. Похоже, что нет.

– Успокойся, – нежно сказала Ира. – Все под контролем. У меня нет никакого желания подцепить ВИЧ или еще какую-нибудь дрянь и заразить партнера. Я ввожу себе препарат, препятствующий проникновению микроорганизмов. Так что опасности никакой.

– Угу, – кивнул Роман.

Да, плохо он стал разбираться в людях. Кто бы мог подумать, что за внешностью супер-модели скрывается фанатик-ученый?

Ира поставила чашку на поднос.

– Если ты торопишься, можешь идти. Я застелю постель и приму душ. Ты не против?

– Ладно, – поднимаясь, кивнул Роман.

– Хочешь, я приду вечером?

– Сделать повторный тест?

Ира улыбнулась.

– Ты обиделся?

– Скажем так, ты меня удивила. Кстати, Ира, у тебя остались те фишки... Ну, которые я тебе давал.

– Хочешь отыгаться?

Ее понятливость начинала действовать Роману на нервы. Иногда все-таки неплохо, когда девушка не столь сообразительна.

– Точно.

– Нет, – покачала она головой. – Я их проиграла. А ты не помнишь?

В ее глазах мелькнуло остренькое любопытство. Роман понял, что пора смываться, пока он не стал объектом еще одного исследования.

– Как-то не заметил в запарке, – соврал он. – Ну все, я побежал. Позже позвоню.

– Ты забыл записать номер моего телефона, – напомнила она.

Роман мысленно заскрежетал зубами. В течение пяти минут его трижды уличили в забывчивости. И кто? Пигалица, которая ему...

Впрочем, эту тему лучше было не развивать. Тут плохая память как раз была кстати.

– Записываю.

Ира продиктовала номер, следя за тем, чтобы он действительно внес его в записную книжку своего телефона. При этом девушка премило тыкалась носиком ему в шею. Рубашка Романа, которую она накинула в качестве пеньюара, делала ее удивительно домашней. Такая белокурая кошечка с изящными лапками и сероглазой мордочкой.

– Ну, пока, – похлопал Иру по упругой попке Роман. – Просто захлопнешь дверь, когда будешь уходить.

– Хорошо.

Она прижалась к нему всем телом, на миг заставив его забыть, что ее появление здесь – лишь следствие суровой научной необходимости.

– Я буду ждать твоего звонка.

– Жди.

Садясь в машину, Роман подумал, что сдать анализ на ВИЧ все-таки придется.

Москва, ГРУ, 17 сентября 2008 года

Дубинин что-то внимательно разглядывал на экране монитора.

– Знакомого увидел? – входя, спросил Роман.

– Угу, – промычал Дубинин.

Он пощелкал клавишами, меняя ракурс.

– Присядь на минутку.

Роман сел к столу, заглянул краем глаза в экран. Увидел улыбающуюся брюнетку испанского типа.

– В «Одноклассники» залез, подполковник?

– Заткнись, – посоветовал тот.

Роман не обиделся. Их полуприяТЕЛЬские отношения допускали до ту известных пределов фамильярность, которая шла этим отношения только на пользу.

Он достал сигареты и полез в другой карман за зажигалкой.

– Морозов, – не отводя глаз от экрана, проворчал Дубинин.

Роман понюхал сигарету, вложил обратно в пачку.

– Сам не живешь и другим не даешь, – заметил он. – Что ты за человек такой?

Дубинин оторвался от компьютера. Его глаза прошлись по небритым щекам Романа, по распахнутому вороту сорочки, по модной, «домиком», стрижке.

– Ну, извини, не успел, – повiniлся Роман.

Он знал, как генерал Слепцов не любит неуставной вид у подчиненных. Служака старой закалки, Слепцов буквально заболел, когда видел растительность на лице или вычурность в одежде. По его мнению, разведчик должен являть собой образец офицера, независимо от того, в форме он или в гражданском платье. Стоило посмотреть на Дубинина, чтобы понять, как должен выглядеть настоящий офицер.

А он, капитан Морозов? Потрепанный жизнью пижон, завсегда с ресторанами и ночными клубами, головная боль и позор отдела. Обычно Роман перед приходом в контору переодевался в серенький костюм, стоптанные ботинки и повязывал самый унылый галстук. И прическу малость укрощал, придавая ей любезную взору Слепцова гладкость и незаметность. Но сегодня на все эти ухищрения не было времени, да и перед испытующим Ириным оком не хотелось видоизменяться столь явно. Поэтому Роман махнул на все рукой и поехал в том виде, в каком был.

– Ничего, – кивнул Дубинин, – так даже лучше. Будем считать, что ты готов к поездке.

– Куда это? – поинтересовался Роман.

– В Нью-Йорк.

– Ага.

– Вылетаешь через два часа.

Роман помолчал. Для того, чтобы настроиться на новое задание, ему обычно хватало пяти секунд.

На этот раз хватило и трех.

– Что за работа?

– Так, мелочь. Наш человек погиб... Тот, с кем он встречался и у кого должен был забрать информацию, пропал. Надо его найти.

– И все.

– И все.

– В самом деле, мелочь.

– Шеф даст тебе инструкции и наставления.

Дубинин поднялся, отработанным движением поправив безукоризненно сидевший китель.

Роман, хоть и с запозданием, но тоже встал. Не из требований субординации, которой он за двадцать лет службы так и не смог пропитаться в должной мере, а из личного уважения к Дубинину (что тот втайне очень ценил).

Дубинин заглянул в кабинет.

– Товарищ генерал, к вам капитан Морозов.

– Пусть войдет, – послышался начальственный бас.

– Входите, капитан, – посторонился Дубинин.

Роман вздохнул и шагнул в дверь. Из всех испытаний, которые несло ему новое задание, это было самым неприятным.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Проходите.

Сделав несколько четких шагов, Роман остановился у дальней оконечности Т-образного стола. Отсюда, как он знал, дальнороткий Слепцов мог разглядеть его во всех подробностях.

Тот и разглядывал, уставившись на него через очки в массивной золотой оправе – наследии тяжелого прошлого. Впрочем, Роман и самого Слепцова считал тяжелым наследием прошлого, от которого не мешало бы давно избавиться. А так как генерал придерживался точно такого же мнения в отношении подчиненного, то симпатии, даже чисто служебной, между ними, естественно, не было и быть не могло.

– Вы как из «Плейбоя», капитан, – проскрипел после весьма продолжительного молчания Слепцов.

Роман попытался посмотреть на себя его глазами. Ну да. Фиолетовая атласная рубашка, лакированная кожаная куртка, узкие брюки в полоску, модельная обувь, странная, «не советская», прическа, щетина. Для такого ортодокса, как Слепцов, Роман должен был казаться существом из другого мира. И поди ему докажи, что это – вполне нормальный вид для современного мужчины, имеющего, между прочим, успех у женщин – и у каких еще женщин!

А, что ему объяснять? Только лоб расшибешь. Хотя... Знает же вот про «Плейбой». Небось, и почитывал – в те еще времена, когда сам работал на выезде. Надо полагать, и в некоторых чувственных удовольствиях себе не отказывал, хотя бы из той же конспирации. Откуда же такое непонимание современной жизни? Неужели только из нелюбви персонально к нему, капитану Морозову?

Похоже, что так. Тогда о майорских звездах, о которых иногда подумывал Роман, и мечтать не стоит. Или ему следует измениться – до такой степени, что самого себя узнавать перестанешь. А это значит: туповато помалкивать, с каждым словом начальства беспрекословно соглашаться и бояться сделать лишний шаг без его высокого ведома. То есть во всем уподобиться Слепцову. А как иначе? Учись у курочки: шаркай да подбирай.

– Это комплимент, товарищ генерал? – спросил тем не менее Роман.

Ну не мог он вот так сразу взять и измениться.

Хотя в душе пообещал себе твердо: изменюсь. Вот честное пионерское! Богом клянусь.

Слепцов сверкнул очками.

– В данной ситуации можете считать мои слова комплиментом, – сухо проговорил он. – Прошу.

Он указал на стул. Подождал, пока Роман сядет.

– Задание не самое сложное, – предупредил он, похлопав белой пухлой рукой по папке, лежащей перед ним. – Но очень ответственное.

Роман хотел было сказать, что из краткой беседы с Дубининым он уже составил представление о сложности задания, но ограничился коротким кивком. Если начинать меняться, то

прямо с этой минуты. Тем более что и настроение какое-то подходящее. Может, заодно бросить курить? Отличная мысль.

– В Нью-Йорке в наше консульство позвонил человек по имени Алек Ранк, – медленно заговорил Слепцов. – Сообщил, что у него есть ценная информация по поводу Венесуэлы. Сказал, что речь идет о государственном перевороте. У него, якобы, имеется запись телефонного разговора. Потребовал за эту запись десять тысяч долларов и назначил встречу. Наш человек, явившийся на встречу, поехал домой к Ранку, чтобы стереть запись с винчестера. Но по дороге нелепо погиб...

– Что значит – нелепо? – перебил Роман. – Можно подробнее?

Слепцов блеснул очками на нетерпеливца. Роман сразу присмирел. Но сделанного не воротишь, да и вопрос был задан по существу.

– Банда местных головорезов, – сообщил Слепцов. – Похоже, этот Ранк был им должен крупную сумму... В общем, темная личность. Ну, вы меня понимаете.

Намек был более чем прозрачен. Роман хотел вскипеть, но вспомнил про данное себе слово и промолчал. Хотя курить захотелось зверски.

– Майор Самойлов стал жертвой банального грабежа, – нехотя продолжал Слепцов. – Ввязался в драку, защищая себя, а эти подонки пустили в ход ножи.

– Почему Самойлов не взял оружие? – выдержав на это раз секундную паузу, спросил Роман.

Слепцов раздраженно повел плечом. Роман понял, что снова он сделал что-то не так, и тут же вспомнил: майор Самойлов числился в любимчиках Слепцова. И генерал при каждом удобном случае ставил Самойлова в пример.

Получалось, зря ставил. Майора, конечно, жаль, но и злорадство дано Господом Богом не просто так. Какая никакая, а справедливость на свете есть.

Роману даже курить расхотелось. Но лицо его выражало только почтительное ожидание. Работал на новый имидж, старался.

– Он полагал, что никакой опасности эта встреча не представляет, – пояснил Слепцов. – Обычная передача информации. К тому же Самойлов опасался провокации. Отношения со Штатами обострились, от американцев можно ждать чего угодно. Задержи они нашего посольского работника с пистолетом в руках, и сразу поднялся бы вой: русские шпионы наводнили Америку.

– Да, это они любят, – вставил Роман.

Слепцов глянул на него теплее. Если, конечно, лед способен излучать тепло.

– Вот именно.

Они немного помолчали. Как бы помянули минутой молчания безвременно ушедшего майора.

– Что с Алеком Ранком? – перешел к делу Роман.

Слепцов раскрыл папку.

– Скорее всего, бандиты увели его с собой. Ваша задача: отыскать Ранка и завладеть записью разговора. Также необходимо удалить запись с винчестера Ранка.

– Понятно, – кивнул Роман.

– Имейте в виду: информация особой важности. Нам удалось прослушать часть записи. Похоже, речь идет о заговоре против Уго Чавеса.

– А до него нам какое дело? – не подумав, ляпнул Роман.

Слепцов даже откинулся на спинку кресла. Вся его фигура выразила высшую степень негодования.

– Вы, вообще, телевизор смотрите? – с нескрываемым презрением спросил он.

– Честно говоря, есть дела поважнее, – огрызнулся Роман, вновь с удовольствием становясь самим собой.

– Не сомневаюсь, – кивнул Слепцов. – И очень хорошо знаю, что за это дела.

На последнем слове его голос повысился. Не было сомнений в том, что дело сейчас дойдет до нотаций, читать которые Слепцов был большой охотник.

– Давайте лучше о работе, товарищ генерал, – мирно предложил Роман, меньше всего желающий выслушивать нудную критику своего образа жизни.

– Попрошу вас не давать мне указания в моем собственном кабинете!

Роман достал сигареты и закурил. Старая калоша. Хотел же, как лучше! Нет, видно, лучше будет только в другой жизни.

– Кто вам разрешил курить?! – взвился Слепцов.

– Никто, – отозвался Роман. – Дайте, пожалуйста, пепельницу.

Слепцов побагровел. С минуту он тяжело дышал, глядя страшными глазами на наглеца, невозмутимо пускающего дым тонкими струйками. Затем достал из ящика хрустальную пепельницу и стукнул ею по столу. Впрочем, аккуратно: опасался за лакировку.

– Последний раз я терплю ваши выходки!

– Договорились.

– По окончании дела прошу вас подать рапорт о переводе в другой отдел.

– Уже подавал, – напомнил Роман. – Трижды.

– На этот раз ваша просьба будет удовлетворена. Можете быть уверены.

– Надеюсь.

Роман загасил окурок, разогнал рукой дым вокруг себя.

– Так что там про Уго Чавеса?

Багрянец со щек Слепцова уже сошел. В глубине души Роман подозревал, что шеф неосознанно нуждается в нем, как рыба нуждается в воде. А вспышки гнева нужны были ему так же, как регулярная выпивка алкоголику. Для снятия напряжения, чтобы сосуды не полопались. Хотя, конечно, сам генерал ни в чем подобном не признался бы даже под пытками.

Впрочем, Роман, как натура впечатлительная, мог сильно преувеличивать сложность внутреннего мира своего начальства.

– Когда вы перестанете валять дурака, капитан? – спросил Слепцов.

– Когда перестану им быть, товарищ генерал, – серьезно ответил Роман.

Слепцов усмехнулся. Сняв очки, он принялся массировать большим и указательным пальцами розовую седловинку на переносице.

– Читать вам лекцию по экономической географии я не собираюсь, – сказал он, не поднимая бровей. – Но хочу, чтобы вы четко уяснили: Венесуэла на сегодняшний день является одним из наших главных стратегических партнеров. Причем в таком важном регионе, как Южная Америка. Поэтому безопасность ее президента является для нас одним из приоритетных направлений.

Закончив наконец массировать переносицу, Слепцов водрузил на нее очки и строго взглянул на Романа.

– Это, надеюсь, вам понятно, Морозов?

– Так точно, товарищ генерал, – вполне себе примерно отозвался Роман.

– Ну и славно, – вельможным тоном одобрил Слепцов. – Будем считать, что урок ликбеза закончен. Полистайте пока это.

И перебрал Роману папку.

Пока тот изучал скудное содержимое, генерал поднялся и стал неторопливо прогуливаться по кабинету. По опыту Роман знал, что сия прогулка не продлится более трех минут, поэтому впитывал информацию в темпе. И когда ровно через три минуты Слепцов сел на место, он закрыл папку и вернул шефу.

– Помните, Морозов, – поднял напутственный палец Слепцов. – Никаких излишеств... Этих, в вашем стиле. Четко выполнили задание, четко доложили. И ждите последующих инструкций.

– Товарищ генерал, но оперативная обстановка может сложиться так... – начал Роман.

– Оперативная обстановка сложится так, как сложите ее вы, – отрезал генерал. – И не надо, знаете ли, выстраивать мне здесь этот предварительный коридор вседозволенности.

Как всякий замшелый бюрократ, Слепцов питал слабость к сильным речевым оборотам. К чему Роман, впрочем, будучи сам не без греха, относился снисходительно. Другое дело, что это была далеко не единственная слабость шефа.

Усилив оборот вращательным движением руки, что, видимо, и означало тот самый коридор, Слепцов побарабанил пальцами по столу, как бы закрепляя сказанное и показанное.

– Я могу идти, товарищ генерал? – осведомился Роман. – У меня скоро вылет.

– Можете, – вяло кивнул Слепцов, точно потеряв к нему всякий интерес.

Роман уже дошел до двери, когда его настиг окрепший голос шефа.

– Никаких фокусов, Морозов!

Не оборачиваясь, Роман кивнул и выскочил вон.

Ну, худшее осталось позади.

Дубинин уже свернул окно с ослепительной брюнеткой и теперь деловито перебирал бумаги.

– Ты будешь обо мне скучать? – спросил Роман.

Дубинин на минуту оторвался от бумаг. Какое-то время изучающее смотрел на капитана, а потом огорошил вопросом.

– У тебя как со здоровьем?

– А что? – насторожился тот.

– Головокружения не случаются? На память на жалуешься?

– Н-нет...

Под пристальным взглядом Дубинина Роман ощутил легкое беспокойство.

С чего это он вдруг про память заговорил? Может, есть тайные приметы, намекающее на утрату им некоторых профессиональных способностей? Вон и эта, как ее, Ира приставала.

Сговорились они, что ли?

А то еще – подосланная?! Известно, как Контора следит за профпригодностью кадров.

– Ну-ну, – кивнул Дубинин, возвращаясь к своим бумагам.

– Ты к чему это, подполковник? – засуетился Роман. – Ты толком скажи. Чего нукаешь?

– В зеркало посмотришь, – проворчал Дубинин. – Глаза красные, веки припухшие... Руки дрожат. Как ты вообще живой?

Роман кинулся к зеркалу, схватился пальцами за лицо, разглядывая себя и так, и эдак.

Да, прав, прав подполковник! Кожа серая, в глазах муть, вокруг век набрякшие стариковские жилки. Образ мачо стремительно растворялся в немолодом и не очень здоровом дяденьке. Ай-яй-яй, до чего довел себя ночными бдениями. Лет на пять постарел – и не заметил. Так и модный прикид не поможет.

Но внешность – не самое страшное. Внешность нетрудно и подправить. Пару месяцев диеты и крепкого сна, массаж, бассейн, сауна, блефаропластика на худой конец – и вот ты уже снова в форме. Страшно другое. Потеря памяти, главного качества разведчика. На языки, на имена, на звуки, на запахи, на породы собак, на марки оружия, на духи, на шоколад, на ткани, на все, на все, на все. Когда-то Роман сходу запоминал страницы убористого текста, десятки имен, сотни названий и мог среди ночи ответить без запинки на любой вопрос. А сейчас? Даже имени девушки запомнить не смог. И это в каких-то тридцать... э-э... сколько их там? В общем, в без малого сорок лет.

А что с ним дальше будет? Собственно, предсказать нетрудно. Периоды амнезии начнут увеличиваться, он провалит одно задание, второе – и вылетит из Управления, как пробка. И что тогда? Несмотря на пристрастие к беспорядочному и, по мнению Слепцова, роскошному образу жизни, Роман, в душе романтик и патриот, не представлял себя без своей работы. Как это – Родина будет в опасности, но его на помощь не призовет? О таком даже подумать страшно. К чему тогда эта «роскошная» жизнь, если из нее исчезнет главное?

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Романа, и он в расстроенных чувствах повернулся к Дубинину.

– Что, все так плохо?

– Как тебе сказать...

– Ночь, понимаешь, была беспокойная, – пустился в объяснения Роман, тем более жалкие, что в них никто не нуждался.

– Угу, – буркнул Дубинин, перекладывая бумажки.

– До Штатов полсуток лететь. Отосплюсь... – бодрился Роман.

– В эконом-классе? – думая о своем, спросил Дубинин.

– Да хоть и в эконом... – сник Роман.

Подумал: может, купить билет в первый за свои? Хороший сон стоит лишних тысяч.

Но тут же вспомнил, что своих никаких не осталось, и, значит, он полностью переходит на обеспечение Конторы. А каково это обеспечение, известно всем. Червячка, конечно, заморишь, и на такси при случае найдется, но и только. А еще за каждую копейку отчет потребуют. Так что поездочка престоит та еще.

– Ладно, пошел я, – сказал Роман, избегая взглядом зеркала.

– Ага.

Равнодушие Дубинина задело. Но что ты ему скажешь? Вон он как занят, сей образцовый офицер. Гнать, правда, не гонит, но всем видом дает понять: тратить время попусту он не намерен. Дали вам указания – и идите себе, выполняйте. Если, конечно, еще на что-то способны.

Роман почувствовал спасительную злость. Рановато, товарищ подполковник, вы на меня рукой махнули. Я, может, нынче и несколько несвеж, но отнюдь не до такой степени, чтобы не справиться с плевой задачей.

Что задача плевая, Роман не сомневался. Слепцов имел железную привычку с тех еще времен: дела, сулившие продвижение по службе, поручались только самым достойным. Роман к этим достойным, понятно, не относился и потому привык довольствоваться лишь крохами с барского стола.

Поначалу его это бесило. Как же, у генерала Антонова, у которого он начинал и который, собственно, и сделал из него агента экстра-класса, он был прямой, лучшим из лучших, незаменимым *et cetera*. Но после безвременной кончины Антонова, попав в отдел к Слепцову, человеку совсем другого склада, Роман вдруг оказался не у дел. Не пришелся ко двору, видите ли, замашки его вольные, видите ли, не понравились. Ну и задвинули в пыльный угол, доставая иногда без охоты, как старое ружье.

Ох, как Роман первое время негодовал, как старался посильнее боднуть Слепцова, доказывая, что он по-прежнему лучший из лучших, что Слепцов – выскочка, ноль без палочки и что он вообще в разведке ничего не смыслит.

В доказательствах этих Роман преуспел мало, зато шишек себе набил не один десяток. Слепцов по своей цельности превосходил гранит, и какие бы то ни было установки он принимал только сверху, но уж никак не снизу. В общем, Роман зря старался, хотя иной раз и приносил в жизнь шефа малоприятное разнообразие.

Впоследствии он стал относиться к своему положению нелюбимого пасынка чуть спокойнее. Попривык, да и возраст как никак не мальчишеский. Хотя мстительный зуд внутри ощущал всегда. Слишком долго копились обиды, чтобы так просто от них отказаться. И природную

антипатию со счетов на спишешь. Это как персональный запах: сколько мыла не изводи, все равно пробьется. И хотя Роман в открытую шефа задирать перестал, от удовольствия лишний раз попортить ему кровь не мог отказаться. Глупо, да. Но так уж устроен человек.

Несколько неожиданным было отступничество Дубинина, которого Роман, несмотря на возникающие между ними мелкие трения, считал своим союзником. Что-что, а слова поддержки у подполковника всегда находились. А тут – как чужой. Даже не смотрит. Мол, конченный ты человек, Морозов, и говорить с тобой не о чем.

Смутить Романа было трудно, но из кабинета Дубинина он вышел в сильнейшем раздражении. Ладно-ладно, мы еще проверим, кто из нас годнее, шептал он. Обтяпаю ваше проваленное дельце в лучшем виде. Оглянуться не успеете, все будет готово. Послезавтра ждите домой. Нет, завтра! Чего там делать, в этой Америке? Разогнать пару-тройку негров? Да проще простого. Дайте только до них дорваться.

Из Управления Роман вышел с видом тореадора, готового вступить в бой не с одним быком, а по крайней мере с десятком. Загустевшая было кровь шипела и пенилась, мысль работала на полных оборотах.

Сидя в машине, везущей его в аэропорт, Роман повторил про себя полученную информацию. Итак. Алек Ранк. Восемидесятого года рождения. Рыжий. Так. Это, это, это... Понятно. Адрес. Помню. Далее. Некий Билли, афроамериканец. Судя по всему, уличный громила, сутенер, наркотики и прочая. Место обитания – Южный Бронкс. Там же, где живет Ранк. Ну, все понятно. И с памятью полный порядок. Напрасно он в себе засомневался. Как говорится, мастерство не пропьешь.

Перед посадкой Роман сходил в туалет. И там, моя руки под краном, осторожно посмотрелся в зеркало.

Ну и ничего, лицо как лицо! Интеллигент средних лет после защиты диссертации. Несколько увлекся, отмечая успех, но с кем не бывает? Умный, как говорится, проспится, дурак никогда. А поскольку Романа дураком не назвал бы даже самый злобный его недоброжелатель, то и беды никакой не наблюдалось. Зря Дубинин страху нагнал.

А может, не зря, усмехнулся Роман, окончательно успокаиваясь. Применил свои методы приведения в чувство. Ударил по самому больному месту. И до чего ловко ударил! На что уж Роман Евгеньевич стреляный воробей, а и то попался.

Молодец подполковник. Знает свое дело. Да другого Слепцов возле себя и не держал бы. Самого бог талантами обделил, так хоть чужими научил пользоваться. На том, кстати сказать, всегда и выплывал.

Тут мысли Романа пошли в сторону обличений и обид, и поскольку обличать и обижаться ему надоело по дороге в аэропорт, он решительно себя остановил и заставил думать о чем угодно, но только не о своих отношениях с начальством.

Уже сидя в самолете, он с удовлетворением отметил, что голова его спокойна, а тело, не без комфорта расположившееся в тесноватом кресле, готово к долгой и продуктивной дреме. Он было уже и задремал, не дожидаясь взлета, но тут зазвонил мобильный.

Леня.

Леня был приятелем и партнером Романа. Несколько лет назад Роман спас биржевого брокера Леонида Пригова от тюрьмы и, как не без оснований предполагал сам Леня, от верной смерти. В благодарность Леня стал личным маклером Романа, что позволило последнему в короткий срок почувствовать себя обеспеченным человеком и стать завсегдатаем дорогих ресторанов и модных клубов. Само собой, призыв Лени снабжать его своевременной информацией коммерческого толка нашел самый горячий отклик в сердце капитана Морозова. Он, по мере своих скромных сил, принялся снабжать Леню некоторыми деликатными новостями, которые тот с недостижимым для Романа искусством воплощал в живые деньги. Тандем заработал с обоюдной выгодой, хотя и не без некоторых сбоев.

Сбои эти преимущественно заключались в том, что порой Роман Евгеньевич слишком уж увлекался своим любимым и главным делом – защитой Родины и тем самым резко снижал внимание к заказам Лени. Того это бесило не на шутку, ибо страдало *его* главное дело, и он не раз грозил Роману расторжением договора. Но все как-то выравнилось, и они продолжали сотрудничать и приятельствовать.

Последнее время дела шли неважно. Сказывались потрясения в мировой финансовой системе. Нефть дешедела, будущее казалось неясным, и биржа затаила дыхание, гадая, чем обернется для нее год грядущий. В связи с этим Леня играл очень осторожно, опираясь только на стопроцентную информацию. Он и всегда-то был осторожен, а сейчас увеличил свои требования на порядок. Роман, склонный к рискованным действиям, должен был проверять каждую безделицу по нескольку раз, что не лучшим образом отражалось на его характере. Но, как ни трудны были времена, Леня все же умудрялся зарабатывать верную копейку там, где другие пускали пузыри, и Роман волей-неволей должен был подчиняться требованиям старшего компаньона.

Сегодняшний проигрыш в казино, куда, увы, он захаживал гораздо чаще, чем следовало, свел на нет все его усилия по созданию «подушки безопасности». Надежда выправить положение, как всегда, целиком возлагалась на Леню, поэтому Роман приветствовал его со всей возможной предупредительностью.

– Здравствуй, Ленчик, дорогой! А я думаю, куда это ты запропастился? С тобой все в порядке?

После долгого молчания в трубке послышался вздох.

– Хоть что-нибудь у тебя осталось?

Проницательность Лени не уступала проницательности Дубинина. Роман понял, что надо каяться.

– Ничего, – честно сказал он.

Снова молчание. Раньше Леня набрасывался с упреками и колкостями. Но новые времена давались ему нелегко, и теперь он лишь укоризненно молчал.

Молчание это было для Роман хуже привычных нагоняев, поэтому он заерзал и толкнул локтем соседку, полную даму в очках.

Та, глядевшая на него до этого вполне благосклонно, поджала губы.

– Извините, – прошептал Роман.

– Должна вам напомнить, молодой человек, что пользоваться мобильными телефонами в самолете запрещено, – громогласно возвестила та.

– Что это там шумит? – любопытствовал Леня.

– Так... Самолет.

Дама сбоку что-то сдавленно прошипела.

– Ты куда-то летишь? – оживился Леня.

– Да... Но это на пару дней, не больше. Для нас это никакого интереса не представляет.

– Гм. Могу я узнать, куда все-таки ты направляешься?

– Да, Леня, конечно...

Роман покосился на соседку. Та махала кому-то рукой. Роман понял: надо торопиться.

– В Америку, – доложил он в трубку.

– А точнее?

– В Нью-Йорк.

– Да, на сей раз ты прав. Делать там действительно нечего, – хорошенько подумав, согласился Леня.

– Так вот и я о том же...

Роман увидел, что по проходу несетя стюардесса.

Тогда он спрятался за спинку кресла и зажал трубку обеими руками. Пора было заканчивать разговор, но подгонять Ленью – себе дороже.

- Ладно, возвращайся поскорее, – неторопливо сказал тот. – Здесь для тебя кое-что есть.
- Считай, уже вернулся, – горячо заверил его Роман.
- Счастливой дороги.
- Спасибо, Леня...

Обычно Леня не тратил время на пустые разговоры. Но меланхолия, охватившая мировую биржу, покрыла коррозией и его некогда железный характер.

Стюардесса налетела вихрем и нависла над Романом.

- Вот! – послышался вопль толстухи.
- Немедленно выключите телефон! – заявила стюардесса. – Мы взлетаем через минуту, все разговоры запрещены.
- Да, да, – закивал Роман.
- Ты с кем это? – поинтересовался Леня.
- С соседкой...

Толстуха возмущенно скрипнула креслом. Стюардесса, тоненькая миловидная брюнетка, свела брови в суровую нитку.

- И как соседка? – не без бывшего ехидства спросил Леня. – Ноги от ушей и все такое?
- В общем, да... – вяло подтвердил Роман.
- Пассажир, прекратите разговор! – взвыла стюардесса.
- Сейчас, сейчас...
- Ладно, будешь на Уолл-стрит, дай от моего имени хорошенького пинка их гребаному быку, – попросил Леня, никак не чувствующий остроты момента.
- Всенепременно, – пообещал Роман.

Стюардесса подняла ручку с острыми ноготками и нацелилась на трубку.

- Пассажир!
- Ну, до встречи.
- Пока...

Трубка запикала отбоем. Рука стюардессы метнулась вперед, но Роман оказался быстрее, и пальцы, сомкнувшись, ухватили пустоту.

Роман выключил телефон и показал его стюардессе.

- Все, молчу, молчу.
- Как вам не стыдно! – с чувством сказал та.
- Очень стыдно. Но это был срочный звонок. Жена рожает, сами понимаете.

Толстуха опасно зашевелилась. Но брови стюардессы уже разгладились, и во взгляде ее появилось то, что всегда появляется во взгляде женщины при этом сакраментальном заявлении.

Послышался гул двигателей.

Роман посмотрел на бейдж проводницы.

- Танечка, – сказал он, улыбаясь как можно мягче, – можно попросить вас принести мне рюмку коньяку? Что-то нервы разошлись, успокоить бы...
- Как только взлетим, сразу принесу, – заверила его Танечка, в одночасье из врага сделавшаяся самой пылкой его сторонницей.
- Спасибо. Вам заказать? – повернулся Роман к своей соседке.
- Я не пью, – отрезала та.

Но когда стюардесса удалилась и самолет пошел на взлет, она все-таки не выдержала.

- Вашу жену зовут Леня?
- Кто вам сказал? – удивился Роман.
- Болше соседка его не беспокоила.

Венесуэла, вилла Ла-Плайя, 17 сентября

Увидев на дисплее мобильного телефона номер звонившего, синьор Рамеро вышел на балкон – подальше от чужих ушей. И хотя все, кто служил в его доме, были людьми проверенными и надежными, рисковать в таком деле он не мог.

– Я слушаю, – сказал он на безупречном английском языке.

– Есть новости, – послышался голос с грубоватым американским акцентом.

Синьор Рамеро помолчал. Понять по интонации говорившего, какого рода новости, было сложно. Но, учитывая неурочность звонка, вряд ли они могли быть хорошими.

– Что случилось? – спросил синьор Рамеро.

– Небольшая проблема.

– Говорите.

– Кто-то слышал наш разговор. Есть подозрение, что сделана запись этого разговора.

Синьор Рамеро почувствовал, как трубка в его руке становится влажной.

– Но как это возможно? – стараясь говорить ровно, спросил он. – Связь защищена.

– Кто-то сумел преодолеть защиту.

– Кто?

– Ищем. Скорее всего, это был случайный взлом. Выходка какого-то хакера. К сожалению, от подобных случайностей не застрахован никто.

– Да, – отозвался Рамеро. – Вероятно.

Что говорить дальше, он не знал. Упрекать собеседника в неосторожности бессмысленно, признавать свою вину – с какой стати? Лучше послушать, что скажет собеседник.

– Мы уже приняли меры, – сообщил тот. – Идет поиск взломщика. Думаю, в ближайшее время он будет найден.

– Приятно слышать.

– Вам не о чем беспокоиться. Все наши договоренности остаются в силе.

– А если... информация пошла дальше?

– Вряд ли, – тут же опроверг эту возможность американец. – Во-первых, нужно время, чтобы выйти на заинтересованного покупателя. Во-вторых, покупатель может не заинтересоваться товаром. Фамилий не названо, все достаточно расплывчато...

– Кому надо, поймет, – пробормотал Рамеро.

– Это верно. Но будем надеяться, что мы перехватим взломщика до того, как он найдет понятливого покупателя. Если он вообще станет кого-либо искать.

– Но в любом случае нейтрализовать его надо как можно скорее, – твердо сказал Рамеро.

– Безусловно. Считайте, что он уже нейтрализован.

– Как вы намерены с ним...

Синьор Рамеро спохватился и оборвал себя на полуслове.

– Можете говорить смело, – успокоил его собеседник. – Эта линия защищена надежнее, чем Белый дом.

«Все бы хвастать этим янки, – неприязненно подумал синьор Рамеро. – А сами профукали какого-то идиота. Теперь вся операция может оказаться под угрозой».

– Я хотел спросить, что вы намерены делать со взломщиком? – сделав над собой усилие, закончил мысль Рамеро. – Ведь он сам по себе опасный свидетель.

– Пусть вас это не беспокоит, – твердо ответил американец. – Мы решим этот вопрос так, что он не будет иметь никаких последствий.

– Очень хорошо. В таком случае я не вижу повода для беспокойства.

– Именно об этом я и хотел вам сказать, дорогой друг. Хотя в ближайшее время, до тех пор, пока мы не найдем взломщика, нам нужно будет проявлять повышенную осторожность. Так, на всякий случай.

– Совершенно с вами согласен. Это все, что вы хотели мне сказать?

– Практически, да. Как только положение изменится, я вас обязательно проинформирую.

– Буду с нетерпением ждать.

– Всего хорошего.

– Всего хорошего.

Синьор Рамеро опустил руку с телефоном. Некоторое время, стоя у парапета, он наблюдал за тем, как садовник подрезает розовые кусты. Тот, видя внимание хозяина, старался вовсю, не замечая палящего солнца.

«Ничего особенного не произошло, – говорил себе Рамеро, крутя в руках скользкую трубку. – Американцы не новички в этих играх. Взломщик будет пойман в самое ближайшее время, в этом нет сомнений. Как они с ним поступят? Скорее всего... Впрочем, до этого мне нет никакого дела. Тем более что моей помощи они не запросили. А раз так, мне и вовсе не стоит тревожиться».

Он поманил к себе садовника, и когда тот подошел, приказал ему срезать букет белых роз к обеденному столу. Белые розы всегда действовали на синьора Рамеро умиротворяющее, а после минувшего разговора он чувствовал – успокоиться ему будет нелегко, как бы искусно он себя ни убеждал в том, что повода для тревоги нет.

США, Нью-Йорк, 17 сентября

Роман терпеть не мог эти долгие, на полглобуса, перелеты. И добро бы, давали время на акклиматизацию и отдых. Куда там! Таможню не успел пройти, а Дубинин уже названивает: как дела, мол, дорогой товарищ?

А какие там дела, если прилетел весь расклеенный, точно после марафона? Думал поспать, но сон, как на зло, не шел. То ли коньяк попался плохой, то ли храп соседки мешал, но за дорогу удалось покемарить от силы часа два, не больше, а так все маета да вертежка. Вследствие чего на американскую землю Роман Евгеньевич ступил в настроении далеко не героическом, употребляя остатки сил на то, чтобы сдерживать поминутно разевающийся рот.

А кто во всем этом безобразии был виноват? Ответ напрашивался сам собой: родная контора и виновата. Пожалела денег на билет в первом классе, вот и прибыл агент на работу никакой. А потом будут пытаться, почему плохо сработал? Да вот потому!

Но Дубинину всего этого Роман говорить не стал. Не поймет, да и времени нет. Решил, что выскажется по возвращении.

– Как намерен действовать? – спросил подполковник.

Роман увидел, что ему машет рукой какой-то рослый субъект в сером костюме. Неторопливо двинулся к нему.

– Есть одна мыслишка.

– Делись.

– Хочу подкатить в тот бар, где Ранк назначил встречу Самойлову.

– Смысл?

– Смысл, как всегда, станет ясен на месте. Но думаю, там мне удастся напасть на след нашего черного друга.

– Только засветишься, – возразил Дубинин.

Но возразил больше для формы. Рождал в споре истину, как и положено руководителю.

– Я в любом случае засвечусь, – терпеливо заметил Роман. – А начинать с чего-то надо. Вот и загляну в бар. След верный, я печенкой чую.

– Знаю я, что ты печенкой чуешь.

– А вот это низко. Я, между прочим, сюда работать приехал.

– Ладно, ладно, работай. Но только сделай все чисто, я тебя прошу.

– Не сумлевайтесь, шеф.

– Ну, ну...

Сунув телефон в карман, Роман протянул руку субъекту в сером костюме. Увидел в его глазах сомнение. Это по поводу моего внешнего вида, понял Роман. Еще один ортодокс. А ведь не старше тридцати пяти.

– Сомов, – отрекомендовался ортодокс. – Как долетели?

– Чудно, – отозвался Роман. – Имя ваше как, Сомов?

– Сергей.

– Серега, стало быть.

Сомов неуверенно пожал плечами. Костюм на нем был с иголки, плюс голубая сорочка и стального оттенка галстук – в общем, на «Серегу» товарищ никак не тянул. Скорее всего, он не возражал бы против обращения по отчеству. Однако кобызиться не стал, что Роман счел добрым знаком. И хотя он недолюбливал этих лошених чиновников из дипломатического корпуса, Сомов ему чем-то понравился. Не славянской ли ряшкой, которую не могли замаскировать никакие европейские стандарты?

Они вышли из здания аэропорта и направились к паркингу. По дороге Роман блаженно щурился на ласковое нью-йоркское солнышко. Хоть с погодой повезло, честное слово.

Сомов открыл дверцу новенького «Понтиака», сел за руль, надел солнцезащитные очки. Роман устроился рядом и немедленно закурил.

– Не возражаешь? – спросил он, заметив, как сосед едва заметно поморщился.

– А мне чего? – отозвался Сомов, не моргнув глазом. – Здоровье-то ваше.

«Серьезный парень, – решил Роман. – Надо с ним ухо держать востро».

– Куда едем?

– В Южный Бронкс.

Сомов бросил на Романа быстрый взгляд.

– Что такое, Серега?

– Ваш внешний вид...

«Наконец-то».

– Что?

– Не совсем рабочий, что ли...

– Я знаю, – кивнул Роман.

– По дороге мы можем заехать, переодеться. Есть один магазинчик в Восточном Бронксе...

– На обратном пути и заедем. А пока поработаю так, как есть, в спецовке. Все, поехали, поехали.

Водителем Сомов оказался отличным. Летел стрелой, с ходу преодолевая хитроумные развязки. Оживленные районы пропускал стороной, предпочитая сделать крюк, нежели торчать в пробках. Нью-Йорк Роман знал порядочно, в свое время довелось тут серьезно поработать. Но Сомов его просто восхитил. Хоть один раз прислали толкового помощника.

– Давно здесь? – спросил Роман.

– Третий год.

– Неплохо.

– Что вы имеете в виду? – покетничал Сомов.

Роман усмехнулся. У каждого есть своя кнопка.

– Как я понимаю, мы скоро приедем?

– Через двадцать минут будем на месте.

– Мне нужен бар «Кубано». Это Клер-стрит, десять.

– Одну минуту.

Сомов понажимал клавиши на пульте управления навигатором.

– Нашел?

– Ага.

– Где это?

Сомов молча ткнул пальцем в дисплей.

Роман присмотрелся, кивнул.

– Встанешь вот здесь, за углом. Подождешь меня.

– Как долго?

– Недолго.

– А если...

– Через полчаса не появлюсь, уезжай.

Сомов помолчал, соображая.

Роман, полулежа в кресле, разглядывал виды respectable Паркчестера, относящегося к Восточному Бронксу.

Ухоженные многоэтажки с башнями пентхаузов, весьма смахивающие на московские новостройки. Солидные машины, широченные стекла витрин. Неплохое местечко для спокойной жизни.

– Вам помощь не нужна? – спросил осторожно Сомов.

– Я работаю один, Серега. Поэтому не напрягайся.

– Да я ничего...

«Чего, чего, – подумал с улыбкой Роман. – Небось, наказали следить за каждым моим шагом. Вот и крутись теперь, как хочешь».

– Я мог бы сопровождать вас, – деловым тоном предложил Сомов. – Все-таки в одиночку в Южном Бронксе европейцу появляться опасно.

– Не боишься, что, пока будешь сопровождать, тачку сопрут?

Сомов слегка покраснел. Думал, стало быть, напряженно. Ибо в словах Романа крылась суровая истина. Южный Бронкс – раковая опухоль Нью-Йорка, прибежище для всякого рода отребья, которому что угнать чужую машину, что кого-нибудь пристрелить – одинаково просто. А остаться без машины в таком районе, это, знаете ли, как остаться без лошади посреди мексиканской пустыни. Верная смерть, то есть.

– Вообще-то, вы правы...

– Прав, прав, друг мой Сергей. И вообще, нам в паре лучше не выступать. Мы хоть оба и русские, но выглядим как из разных миров. Поэтому ты оставайся в машине, а я в темпе пройду туда-сюда. Так и волки будут сыты, и овцы целы. Согласен со мной?

– Угу, – проворчал без восторга друг Сергей.

– Ну и ладушки. Давай-ка свой номер.

Роман записал номер телефона Сомова, не предлагая ему записать свой. Ни к чему эти обмены. Вполне достаточно и односторонней связи.

Сомов, если и хотел что-то сказать, то счел за лучшее промолчать. Понимал, что не в его компетенции ставить условия. За что Роман поставил ему еще один плюсики.

Потянулись трущобы Мотт-Хейвена. Обветшалые домики, битая мостовая, граффити на стенах, кучки угрожающего вида цветных молодчиков. Тут нормальному человеку лучше не ходить. На лимузин Сомова косились, как на потенциальный трофей. К тому же, чужаков здесь отродясь не жаловали.

– Пистолет у тебя есть, Серега? – поинтересовался Роман.

– Нет, – отозвался тот, как-то весь осунувшись, точно пытался спрятаться за баранку.

– Плохо.

– Мне он не положен по штату...

– Это там он тебе не положен, – махнул Роман себе за спину. – А здесь был бы в самый раз.

– У меня вот...

Сомов извлек из-под сиденья укороченную бейсбольную биту.

– Годится, – кивнул Роман. – До моего возвращения продержишься. Главное, не говори, что ты дипломат. Тут этого не поймут. Ври в крайнем случае что-нибудь про ФБР. Может, сработает.

– Шутите? – догадался Сомов.

– Типа того. Приехали, кажись?

– Приехали.

Они остановились в грязном переулке, под обломанной железной лестницей. Ветер гнал по асфальту сухую листву и старые газеты. В тупике за мусорными баками несколько подростков что-то пили из большой бутылки. Более гнусное местечко трудно было сыскать.

– Ну, я скоро, – сказал Роман. – Держись.

– Ага.

Роман выскочил из машины, быстро дошел до угла и свернул на Клер-стрит. До бара «Кубано» метров сто. Можно было припарковаться ближе, но Роман предпочитал не рисковать. Чем меньше о нем будут знать, тем лучше. «Понтиак» Сомова – машина приметная, а лишние приметы им не к чему.

Роман вошел в бар, пустой в это время суток, и сразу же направился к стойке. Бармен – глаза и уши заведения, с ним и вступать в контакт.

За барной стойкой, уперев в нее мускулистые ручищи, стоял усатый, плохо выбритый мексиканец. Лицо его при виде нового посетителя ничего не выразило. Но взгляд в один миг охватил чужака с головы до ног, а ноздри чуть шевельнулись, вбирая незнакомый запах.

«Волчара тот еще», – подумал Роман, усаживаясь на высокую табуретку.

– Добрый день, синьор, – сказал он на изысканном лондонском диалекте.

Бармен ограничился кивком. Насупленные брови его приподнялись в ожидании заказа.

– Виски, – сказал Роман. – Без воды и льда. Двойную порцию.

Брови бармена чуть сдвинулись. Он был удивлен. Вид незнакомца, по местным понятиям, чистого педика, не вязался с серьезностью заказа.

Наливая виски, бармен глянул на незнакомца внимательнее. Увидел насмешливый, жестковатый взгляд и почувствовал себя неуютно. Что-то с этим разряженным в пух и прах красавчиком было не так.

Роман взял стакан, отсалютовал бармену и выпил до дна. Тот совсем растерялся, что было с ним крайне редко. Растеряешься тут, когда твое представление о мире рушится на глазах.

– Повторить, – сказал Роман.

Пока бармен наливал, он закурил, с удовольствием ощущая, что виски, вопреки ожиданию, не так уж плох.

Повторив трюк с опрокидыванием себе в рот содержимого стакана, он решил, что для завязывания беседы он сделал все возможное. В глазах бармена явно читался тот вопрос, который во что бы то ни стало надо разрешить, иначе человек просто не сможет жить дальше.

– Меня зовут Джон, – сказал Роман.

– Хоакин, – отозвался бармен.

По тому, как охотно он назвал свое имя, Роман понял, что разговор состоится.

– Давно здесь работаешь, Хоакин?

– Пятнадцать лет, мистер.

– Угу. Значит, многих знаешь.

Глаза мексиканца блеснули, брови сползли вниз. Он начал понимать, зачем явился сюда этот странный тип.

– Не так, чтобы многих...

– Буду с тобой откровенен, Хоакин. – сказал Роман. – Я ищу одного человека. Не можешь?

Хоакин уже не спешил с ответом. Он взял тряпку и начал протирать стойку, отодвигаясь все дальше от Романа. Но держался настороже и посетителя из поля зрения не выпускал ни на секунду.

– Чем я могу помочь вам, мистер?

– Джон. Просто Джон.

– Я мало кого знаю, Джон. Мое дело – бар... Ты будешь еще что-нибудь пить?

– Кофе, пожалуйста.

Хоакин налил чашку кофе из кофеварочной машины, поставил перед Романом. Их глаза на миг встретились, и Роман понял, что любопытство Хоакина еще далеко не удовлетворено.

Отхлебнув кофе, Роман сморщился.

– А кофе у тебя хуже, чем виски, Хоакин.

Тот улыбнулся, показав из-под усов крепкие зубы.

– Так и есть, Джон. Ты из каких краев?

– Англия.

– Ого. Надолго к нам?

– Надеюсь, что нет. Если ты мне поможешь.

Хоакин промолчал, и Роман решил, что с дипломатическими уловками пора кончать.

– Тут на днях терся один паренек. Рыжий такой, нервный. Алеком зовут. Ты его, часом, не заприметил?

– Много тут рыжих ходит, – снова взялся за тряпку Хоакин.

– У него были дела с Билли, – продолжил Роман, видя, что бармен его внимательно слушает. – Билли-то ты знаешь?

– Это смотря какого.

– Брось, Хоакин. Ты же понимаешь, о ком я.

– Может, понимаю, может, и нет.

Роман положил на стойку сотенную купюру.

– Билли, черный громила. Вспоминаешь?

Хоакин помедлил, оглядывая исподлобья помещение, затем накрыл рукой купюру и сгреб ее под стойку.

– Может быть...

Роман кивнул.

– У меня к нему дело. А как его найти, не знаю. Не подскажешь дорогу?

Было видно, что Хоакин испытывает большие сомнения. Он слишком хорошо понимал, какие последствия может иметь его словоохотливость. Однако же и сотни не каждый день с неба падают. Джон, конечно, тип подозрительный. Но он не легавый, за это Хоакин мог поручиться. Скорее, он из деловых. Порнуха, наркота и все такое. А если так, то, может быть, Билли ему еще спасибо скажет?

– Ну так что, Хоакин?

Бармен все еще колебался.

– Я Билли уже с месяц не видел. Может, он вообще свалил в другой район.

Роман положил на стойку еще одну сотню. Ее постигла та же участь, и Роман усилил нажим.

– Скажи, Хоакин, где он обитал в последний раз? Мне этого будет достаточно.

– А рыжий тебе зачем? – спросил Хоакин.

– Рыжий мне не нужен, – не моргнув глазом, ответил Роман. – Просто слышал от него про Билли.

– А...

Хоакин как в ни чем не бывало взялся за свою тряпку.

Делать нечего. Роман положил на стойку третью сотню. Но на этот раз не спешил убирать руку.

– Так мы закончим наш разговор, Хоакин?

Тот покосился на купюру, торчащую из-под руки Романа. Облизнул губы. Но Роман смотрел на него твердо и уступать не собирался.

– У Билли была нора в Моррисании, – сказал едва слышно Хоакин. – Бывшая табачная фабрика. Если там его нет, тогда не знаю, где его искать.

Роман, помедлив, убрал руку. Сотня тотчас исчезла.

– Спасибо, Хоакин. Думаю, нет нужды пересказывать наш разговор кому-либо третьему. Как ты считаешь?

– Хотел сказать тебе о том же, Джон.

– Отлично. Тогда всего хорошего. Рад был познакомиться, Хоакин.

– Взаимно, Джон.

– Буду в этих краях, зайду.

– Всегда пожалуйста.

– А кофе у тебя все-таки дрянной.

Роман засмеялся, хлопнув ладонью по стойке. На его смех выглянула пышнотелая кухарка. Но Хоакин махнул рукой, и та исчезла за дверью.

«Полчаса на исходе, – подумал Роман. – Как бы мой кучер не дал деру».

Кивнул на прощание Хоакину, он вышел из бара и двинулся к переулку. По дороге не без сожаления подумал, что из отпущенной на расходы наличности осталось всего ничего. На безумства уж никак не хватит, точно. Разве что на пару гамбургеров и колу.

Однако кой-какого результата он все же добился. Адресок Билли получен, и это стоило трех сотен. Возможно, на табачной фабрике его и нет. Но наверняка там будет человек, который оставлен для связи. Или же, если повезет, сам Билли сидит на прежнем месте. В общем, направление поисков конкретизировано, а это уже немало. Дубинин, кстати, перед вылетом советовал начать с квартиры Алека Ранка. Дескать, если не его, то хотя бы запись разговора найдешь. Но Роман этот вариант отверг, как заведомо проигрышный. Не такой дурак Алек, чтобы оставить товар, за который он намеревался выручить немалые деньги, на видном месте. Где-то наверняка есть тайник, и черта с два его сходу обнаружишь. Опять же, из квартиры Ранка логово Билли не увидишь. Поэтому заход на «Кубано» Роман посчитал самым удачным вариантом. И, похоже, не ошибся.

Подходя к переулку, он услышал какой-то шум.

«Не дай бог, опоздал», – встревожился Роман.

Задержавшись на секунду, он выглянул из-за угла.

Сомов, прижавшись спиной к дверце машины, отчаянно размахивал своей битой. Перед ним толпились подростки, те самые, что пили какую-то дрянь из большой бутылки. Они петушками насакивали на дипломата, выкрикивая всевозможные «факи» и взбивая воздух растопыренными пальцами. Один из нападавших, высокий гибкий мулат, выставил перед собой длинную выкидуху и делал угрожающие выпады, норовя проткнуть Сомову желудок.

Роман быстро вышел из-за укрытия, подскочил к мулату сзади, схватил его за руку и резко ее заломил, выворачивая кисть. Тот закричал, выпущенный нож зазвенел по асфальту.

Подростки отскочили в стороны, глядя расширенными глазами на нового врага.

Роман отпустил мулата, и тот, шипя, принялся растирать запястье.

– Сука! – выдавил он. – Чего стали? Бейте его!

Еще мгновение – и вся орава набросилась бы на Романа.

Но он, ни слова не говоря, сунул руку за пазуху и сделал короткое движение навстречу нападавшим. Те моментально сыпанули прочь из переулка и через несколько секунд их и след простыл.

– Спасибо, – с чувством сказал Сомов, поправляя первым делом галстук. – Я уж думал, что мне кранты.

– Что ж ты не сказал про ФБР?

– Сказал. После этого они и накинулись.

– В следующий раз говори, что ты из налоговой полиции, – наставительно заметил Роман.

– Надеюсь, следующего раза не будет.

Роман на это только усмехнулся.

– Черт, – охнул Сомов. – Царапина.

По левому заднему крылу «Понтиака» тянулась глубокая борозда, оставленная гвоздем.

– Сволочи. Вот сволочи! Убивать таких надо.

– Да ладно тебе, Серега, – сказал Роман. – Машина, чай, казенная?

– Все равно жалко.

– Брось. По казенному добру убиваться – рано состариться. Лучше пожалей этих пацанов.

– Вы все шутите?

– Нет. Что они хорошего видели в жизни? Бандиты, наркотики, тюремные нары. Половина из них и до тридцати не дотянет. А ты – машина.

Сомов промолчал, оставшись, как видно, при своем мнении.

– Ну что, бензин-то они не слили?

– Нет.

– Ну тогда поехали.

Роман сел в машину, подождал, пока влезет Сомов.

– Куда? – пристегиваясь, спросил тот.

– Что ты там говорил про магазинчик в Восточном Бронксе? Это ведь недалеко отсюда?

– Минут пятнадцать.

– Поехали. Там и гостиницу найдем.

Когда выбрались из трущоб Мотт-Хейвена, Сомов сел свободнее.

– А откуда у вас пистолет? – как бы мимоходом поинтересовался он.

– Какой пистолет?

– Ну, которым вы этих молодчиком пугнули?

– Господь с тобой, Серега! Нет у меня никакого пистолета.

Сомов смотрел недоверчиво. Пришлось Роману отвести полу куртки.

– Хэх! – покрутил Сомов головой. – А я уж подумал, сейчас начнется пальба. Ну вы даете! А если бы они не поверили?

– Ты же поверил.

Сомов захохотал, впрочем, несколько нервно. Видно было, что происшествие в переулке на Клер-стрит далось ему нелегко.

«Надо ковать железо, пока оно горячо», – подумал Роман.

– Слушай, Серега, ты меня до магазина довези, а там мы на время расстанемся.

– Э-э... – замялся Сомов.

– Ты оставишь мне машину, а сам вернешься домой. А утром мы снова встретимся, и ты получишь свою машину обратно. Идет?

Сомов заерзал на сиденье, точно ему мешал ремень безопасности.

– То есть... Что значит, оставить вам машину?

– Мне нужны колеса. На сегодняшний вечер. Есть одно дельце, которое я должен про-вернуть. Но это очень опасное дельце.

Роман замолчал, давая Сомову возможность переварить информацию.

– Но я должен сопровождать вас, – помолчав, возразил тот. – Мало ли какие трудности у вас могут возникнуть с властями...

– С властями у меня не возникнет никаких трудностей, уверяю тебя, – сказал Роман. – А вот с теми, кого я должен посетить, вероятно возникнут. И на этот раз дело дойдет до настоящих пистолетов. А скорее всего, и до автоматов. Подумай: оно тебе надо?

Если бы не происшествие в переулке, Сомов, вероятно, продолжал бы настаивать на своем. Он получил задание повсюду сопровождать гостя и не собирался отступать.

Но его смутило поведение Романа. Он видел его лицо во время стычки с малолетними бандитами. Такое лицо может напугать кого угодно. Полное спокойствие и при этом непоколебимое стремление убивать. Такой человек не остановится ни перед чем. И если он говорит, что дело предстоит жаркое, то, скорее всего, так оно и есть.

– Я тебя не неволю, Серега, – добавил мягким тоном Роман. – Если хочешь, можешь и дальше сопровождать меня. Но только потом не будь на меня в претензии. Риск – моя работа, мне за нее платят. А тебе, как я полагаю, платят совсем за другое.

По тому, как зарумянились тугие щеки Сомова, Роман понял, что тот готов сдаться.

– Не знаю... – протянул Сомов. – Мне надо позвонить.

– Никуда не надо звонить, – оборвал его Роман. – Это наше частное дело.

– А как же мне быть?

– Езжай домой. Метро рядом. А утром, как договаривались, встретимся. Я позвоню. Сомов покраснел еще больше.

– А если вы... вас того? Дело-то опасное, вы сами говорите.

– Ничего со мной не случится, – заверил его Роман. – Вот те крест.

Сомов все еще колебался.

«Если не согласится, придется избавляться от него более сложным способом, – подумал Роман. – И машину искать... Эх, хлопоты».

Приставить к нему сопровождающего – это был идея Слепцова. Чтобы не натворил чего, не оскандалил ГРУ и Россию в глазах мирового сообщества. Как будто Роман был стажером, который нуждался в опеке. И ведь не повозмущаешься. Никто слушать не станет. Надо – и все. Правила такие. А то, что эти «правила» связывали Романа по рукам и ногам, до этого Слепцову нет дела. Ему так, видите ли, спокойнее. А работать как? Тащить с собой этого галстучника из дипкорпуса, который даже из рогатки стрелять не умеет? Нонсенс. Просить Слепцова, чтобы дал добро на одиночное плавание? Бесполезно. Так что остается решать свои проблемы самостоятельно.

Сомов был неглупым парнем. Понимал, что гастролер приедет и уедет, а ему здесь жить. Но *жить* – это в том случае, если он будет держаться от него подальше. За каким же чертом ему соваться в пекло, если человек сам предлагает спасительный выход?

– Магазин, – сказал Сомов, останавливаясь.

– Угу, – отозвался Роман.

Он не спешил покидать машину.

– Так что мы решили, Серега?

Тот сглотнул.

– Что я скажу начальству?

– Да ничего не говори. Пока. А утром я дам тебе всю необходимую информацию. Договорились?

– Документы на машину в бардачке, – решил Сомов. – Ключ я оставляю в замке зажигания. Надеюсь, утром вы позвоните.

– Во сколько тебе удобно?

– Ну... Скажем, в семь.

– Ну нет. В семь я еще буду спать. Что, если часиков в девять?

– Ладно, – обреченно вздохнул Сомов. – Я пошел?

– Давай.

Сомов вылез из машины и направился к станции метро.

«Надо было взять у него пару сотен, – подумал Роман. – Хотя сейчас, наверное, его лучше не трогать. Пускай себе уходит подобра-поздорову...»

Зазвонил телефон.

Дубинин.

– Слушаю.

Роман постарался, чтобы голос его звучал не слишком радостно. Пусть Дубинин поймет, что присутствие няньки действует на него не лучшим образом. И доложит Слепцову. То-то старичку будет приятно.

– Как дела?

– Нормально, – скучно отозвался Роман. – Адрес Билли получен. Вечером поеду проверить.

– Хм. Быстро ты управился.

– Стараюсь.

– Молодец. Как напарник?

Роман покосился в спину Сомова, который в эту минуту поднимался по лестнице, ведущей к надземной станции метро.

– В порядке.

– Значит, устраивает тебя?

В голосе Дубинина слышалось подозрение. Не верил, что Роман, индивидуалист до мозга костей, так просто смирился с потерей самостоятельности.

– Знаешь что, подполковник! – процедил сквозь зубы Роман. – Сказал бы я тебе...

Дубинин с облегчением рассмеялся.

– Ладно, ладно, потом скажешь. Только парня не покалечь.

– Жив будет твой парень, – огрызнулся Роман.

– Ну все, работай. Не буду вам мешать.

И Дубинин, поперхнувшись смешком, дал отбой.

«Шути, шути, – беззлобно подумал Роман. – Главное, чтобы от меня отстали».

Он вышел из машины, потянулся. До того здорово было ощутить себя вольным человеком – слов нет. Так бы, кажется, и взлетел.

Приобретя в магазине за смешные деньги джинсы, майку, ветровку и пару крепких спортивных ботинок, Роман через пару минут припарковался возле небольшого, уютного отеля, который порекомендовала ему любезная хозяйка магазина. Не став тратить время на ознакомление с номером и видами за окном, Роман повалился на широкую кровать и уснул.

Нью-Йорк, 17 сентября

Проснулся Роман уже в сумерках. Полежал с открытыми глазами, раскинув руки. Несколько часов бестревожного сна освежили его до того основательно, что он готов был решительно ко всему. Вот только съесть чего-нибудь особо вредного, типа хорошо прожаренного мяса, и тогда он по физическим кондициям не уступил бы и сержанту морпеха.

Сделав привычную десятиминутную гимнастику из арсенала у-шу, Роман принял душ, переоделся в обновки и двинулся на поиски пищи, ощущая себя американцем с головы до ног. Даже песенку насвистывал подходящую: «Don't worry, be happy».

Прожаренное мясо нашлось в ресторанчике, расположенном по соседству с отелем. Громадный, с масленичный блин, антрекот, а к нему кукурузный салат и поллитровая чашка кофе.

В чем американцы понимали толк, так это в еде. Вернее, в ее количестве. Антрекот Роман не одолел и на две трети. Куда там съесть такую прорву мяса? Если бы под рюмку, да не спеша, тогда можно. Но рюмка ввиду ночного выезда исключалась, а наедаться сверх меры себе дороже. А вот кофе Роман выпил весь. Чем бодрее он будет, тем лучше.

Направление в Моррисанию, где находилась бывшая табачная фабрика, Роман определил по навигатору. Выходило не очень далеко. Все в том же Южном Бронксе. Но учитывая, что придется искать старую фабрику, пора было выезжать.

Некоторое время Роман кружил по улицам восточного Бронкса. При этом внимательно смотрел в зеркало заднего вида. Сомов парень, в общем, неплохой. Но начальству он все же доложиться мог, и начальство, вполне возможно, решило приставить к шустрому агенту хвост. Благо, «Понтиак» Сомова несколько часов стоял на видном месте и обнаружить его возле одного из отелей было делом наипростейшим. А учитывая, что «Понтиак» наверняка оборудован спутниковой охранно-поисковой системой, слежение за ним было занятием легким и приятным.

Но пока Роман никого не заметил. Либо ребята знали толк в автомобильной слежке, либо Сомов, сочтя за лучшее не поднимать шума, тихо поехал домой.

Не зацепившись взглядом ни за один подозрительный объект, Роман через пятнадцать минут петляний по переулкам и неожиданных ускорений выбрался на прямую и покатил в Южный Бронкс.

Часы показывали девять тридцать. На улице совсем стемнело. Приличные кварталы скоро закончились. За окном потянулись заброшенные хибары – пристанища для многообразного людского мусора. Выбитые стекла, пустые дверные проемы, неизвестно куда ведущие улочки, зияющие чернотой и ужасом. Моррисания, один из самых грязных кварталов Большого Яблока. Здесь и днем-то появляться опасно. А уж ночью – тем более. Пропадешь ни за понюшку табаку, и следа не сыщут.

В какой-то Роман увидел седого, как лунь, негра-старика. Тот сидел на ступеньках кирпичной развалюхи и глядел перед собой. Отсвет от далекого фонаря освещал его морщинистое лицо и большие руки, положенные на колени.

Роман остановил машину, присмотрелся. Может, сумасшедший? Тут этой публики навалом.

Но нет. Старик глянул на него вполне осмысленно. И даже пошевелил губами, точно желая что-то сказать.

– Добрый вечерок, – обратился к нему из машины Роман.

– И вам того же, хороший человек, – приятным баритоном отозвался старик.

Роман захватил бумажный пакет, вышел на тротуар, подошел к старику.

– Как поживаете?

– Ничего себе, слава создателю, – отозвался тот, глядя на пакет. – Жаловаться грех. Крыша не течет, и с едой нет проблем.

– А с наличными как? – поинтересовался Роман.

– Находятся хорошие люди, – уклончиво ответил старик, не спуская глаз с пакета.

Роман развернул бумагу, отвинтил крышку бутылки.

– Не желаете хлебнуть?

Губы старика пришли в движение, и рука его медленно поднялась с колена.

– Вы давно здесь живете? – спросил Роман, вручая ему пакет.

Старик ухватил неожиданный дар и на миг поднял глаза. Они блеснули застарелой собачьей тоской.

– Сколько себя помню, столько здесь и живу.

В следующую минуту старик припал толстыми губами к горлышку бутылки и сделал несколько торопливых глотков.

– Будь я проклят, – сказал он, с трудом оторвавшись. – Это же виски!

– Пейте, пейте, – поощрил его Роман.

Сделав еще несколько глотков, старик наконец вспомнил о благодетеле.

– А вы, мистер?

– Ничего. Я потом.

– Тогда я, с вашего позволения...

– Давайте.

Старик опорожнил бутылку не меньше чем на две трети, и только после этого Роман обратился к нему со следующим вопросом.

– Вас как звать?

– Эйс, – сказал старик, взбалтывая бутылку, чтобы проверить на вес, сколько в ней осталось. – Эйс Мороуз, к вашим услугам.

Роман поклонился.

– А скажите, мистер Мороуз, как далеко отсюда находится старая табачная фабрика?

Старик хотел что-то сказать, но в этот миг в глубине дома послышался какой-то шорох. Роман на всякий случай отодвинулся подальше от двери, но на пороге появилась всего лишь большая старая собака.

Она встала за спиной Эйса и вопросительно посмотрела на Романа.

– Эй, Дюк, – оживился старик. – Проснулся?

Пес негромко проскулил, тычась мордой хозяину в плечо.

– Ну, ну, Дюк, – отмахнулся тот. – Я немного. Всего лишь несколько глотков, не беспокойся.

Он подмигнул Роману.

– Дюк боится, что я напьюсь и завтра мы не пойдем с ним собирать картонные коробки.

И он останется без обеда.

Старик захихикал. Дюк, словно в ответ, заскулил еще громче. Как видно, ему хорошо было знакомо это хихиканье.

Роман мягко, но решительно отобрал у старика бутылку.

– Но вы оставите мне пару глотков, сэр? – жалобно протянул руку тот.

– Непременно, мистер Мороуз. Скажите мне только, как найти старую табачную фабрику – и бутылка ваша.

– Так это! – засуетился старик. – Сейчас...

Он даже встал, оказавшись на голову выше Романа.

– Значит, так. Если отсюда, то вам надо... А зачем вам она нужна, эта фабрика?

Для человека под хмельком голос Эйса зазвучал как-то чересчур рассудочно. Роман даже подумал, а не один ли это из дозорных Билли.

Но в следующую минуту выяснилось, отчего встревожился Эйс.

– Там ведь гиблое место, сэр. Даже полицейские днем не отваживаются туда соваться. А уж ночью там вовсе делать нечего. Вы хороший человек, сэр. Старый Эйс разбирается в людях, и я вижу: вы хороший человек. Так вот что я вам скажу: не надо вам ездить на эту фабрику. Там делаются черные дела, уж я это знаю. Если хотите жить, лучше забудьте про это место. Вы сделали для меня доброе дело, и я для вас хочу сделать доброе дело. Забудьте вы про эту фабрику, и все тут...

– Я только посмотрю, где она находится, и все, – заверил доброго старика Роман.

– А, только посмотрите... – успокоился тот. – Ну, если вам надо только посмотреть...

– Да, только посмотреть, – начал терять терпение Роман.

– Ну так вот же она!

Эйс махнул рукой куда-то вдаль.

– Где?

Роман, как ни всматривался в темноту, ничего похожего на фабрику не видел.

– Да вон, видите? Кирпичный забор, а за ним бараки. Это и есть фабрика.

– Что-то я... Это далеко отсюда?

– Да вон же, сэр. Пятьсот ярдов, по левую сторону от нас. Кирпичный забор...

Различив какую-то темную массу, Роман неуверенно кивнул.

– Кажется, вижу. Это и есть табачная фабрика?

– Точно, сэр. Она самая и есть. Когда-то я там работал. Если бы вы знали, какие сигары мы там делали. Не хуже кубинских! Да. Даже президенты не брезговали курить наши сигары. А потом фабрику закрыли, люди отсюда уехали в другие места. Остались только мы с Дюком, вот такие дела, сэр...

Роман сунул старику бутылку, которую тот крепко обхватил цепкими пальцами.

– Спасибо, сэр. Дай бог вам здоровья. Не знаю, как вас звать...

– Вот, купите Дюку завтра костей на обед.

Роман вручил старому негру десятку.

– Вас послал мне сам Господь, – прослезился тот. – Есть еще добрые люди на земле. Эй, Дюк, поблагодари этого доброго человека. Видишь? Это наш обед. Сэр, только будьте осторожны! Это такое место...

Но Роман уже не слушал. Сев в машину, помахал старику и тронулся.

Примерно через пятьсот метров Роман увидел монолитную стену, тянувшуюся вдоль улицы. И стена, и стоявшие за ней низкие бараки были построены из темного кирпича, еще больше потемневшего от временем. Немудрено, что Роман не мог их разглядеть. Слева – черная стена, справа – руины и пустыри. Прав был старый Эйс. Жутковатое местечко. И хоть бы одна живая душа.

«А может, Хоакин слукавил? – подумал Роман. – Сказал первое, что пришло в голову, лишь бы отвязаться от меня. А сам предупредил Билли, и теперь, даже если я его и найду, меня будет ждать горячий прием».

Выйдя из машины, Роман попытался разглядеть какие-нибудь признаки жизни за забором. Когда же он попытался вскарабкаться на забор, выяснилось, что поверху идет колючая проволока. И судя по тому, как туго она была натянута, кто-то регулярно следил за ее состоянием.

Это было уже кое-что. Значит, фабрика не так необитаема, как это кажется.

Роман сел в машину, доехал до конца забора и за углом увидел горевший над воротами фонарь. Это был въезд на территорию фабрики.

Не долго думая, Роман свернул и подъехал к самым воротам. Остановившись, но не став глушить мотор, он закурил и стал ждать, что будет дальше.

Возле фонаря виднелся глазок видеокамеры. Это на заброшенной-то фабрике! Любопытно.

Ждать пришлось долго. Роман докурил сигарету и разминал в пальцах вторую, когда одна из створок бесшумно отошла в сторону и из открывшегося проема выступил рослый молодой негр.

Сжимая в руках дробовик, он подошел к машине и так тукнул стволом в окно, что оно жалобно хрустнуло.

Роман опустил стекло, улыбнулся навстречу изукрашенной татуировками роже.

– Привет.

– Что надо? – прорычал охранник.

Краем глаза Роман заметил, что из ворот выглядывает еще один головорез, наставивший на «Понтиак» ствол автомата.

Д-да, серьезные парни. Похоже, Хоакин не соврал. Раз на воротах такая охрана, значит, есть что охранять.

– Билли мне надо.

– А кто ты такой? – заглядывая за спинки передних сидений, допрашивал сторож.

– Джон.

– Так и сказать?

– Так и скажи.

Снедаемый подозрением, сторож обошел машину сзади, заглянул под днище и вернулся к спокойно ожидающемуся его Роману.

– Ну что, ты скажешь Билли обо мне?

– Эй, Роб, – обратился татуированный сторож к напарнику. – Он хочет к Билли.

– Ну так и скажи Билли об этом, – отозвался Роб, по-прежнему прячась за воротами.

Делать нечего. Первый охранник достал рацию и нажал кнопку вызова.

– Он говорит, что к тебе, Билли, – сказал он, держа Романа под прицелом. – Не знаю.

Говорит, Джон. Откуда я знаю, коп он или не коп...

– Эй, – обратился он к Роману. – Ты коп?

Роман отрицательно качнул головой.

– Говорит, что не коп. Нет, не назвал. Сказал только, что его зовут Джон. Эй ты, как твоя фамилия?

– Рэмбо.

– Говорит, Рэмбо. Нет, вроде не шизик. Да, один, я проверил... Ладно, понял.

Он обернулся к автоматчику.

– Роб, Билли сказал, чтобы мы привели его. Открывай ворота.

Спрятав рацию, охранник двинул дробовиком в сторону ворот.

– Давай, заезжай. Только без фокусов. Как что, я сразу стреляю.

Роман, уже сделавший выводы относительно боевой подготовки охраны и вполне этими выводами удовлетворившийся, заехал в ворота и остановился.

Обладатель дробовика рывком открыл дверцу.

– Давай, выходи!

Роман вышел. Его обступили трое охранников, тыча оружием со всех сторон. Их действия умилили Романа, но пока он делал вид, что ему очень неуютно под дулами наставленных на него стволов.

После обыска автоматчик Роб и еще один охранник повели его вглубь территории, то и дело тычками стволов указывая направление.

Роман послушно продвигался вперед, запоминая маршрут предстоящего отхода.

Фабрика состояла из нескольких корпусов. Низенькие цеха-бараки соединялись узкими коридорами. Запоминать особо ничего не пришлось. Свернули пару раз и вошли в один из барakov.

Острый запах табака держался здесь до сих пор. Пористые кирпичные стены пропитались им насквозь, и даже многолетнее запустение не выветрило специфической вони.

Впрочем, запустение было относительным. Цех, в который затолкнули Романа, служил чем-то вроде склада. Какие-то ящики стояли на деревянных поддонах, готовые к погрузке. Здесь же Роман увидел запыленный «Феррари», наверняка ворованный, ибо номера с него уже были сняты. Под потолком горели неоновые лампы. И если снаружи здание казалось погруженным во тьму, то лишь оттого, что на окнах находились глухие жалюзи.

– Давай, шевели поршнями, – прорычал Роб, в очередной раз ткнув автоматом Романа под ребра.

Они прошли по цеху и остановились перед утопленной в стену железной дверью, обитой толстыми стальными заклепками.

Дверь эта вела, судя по всему, в апартаменты Билли, устроенные в задней части цеха. Роман уважительно глянул на дверь. Учитывая количество охраны на воротах, было ясно, что Билли пекся о своей безопасности не меньше, чем президент Соединенных Штатов.

– Мы привели его, Билли, – доложил Роб в глазок видеокамеры.

Дверь щелкнула и отворилась наружу. Настоящая крепость.

Двое охранников втолкнули Романа внутрь, сами вошли следом и вытянулись по обе стороны от него.

Роман с интересом осматривался. Большое квадратное помещение было уставлено разномастной, хотя и дорогой мебелью. Громадный телевизор с плазменным экраном, широкие диваны, бар, дорогая музыкальная установка. Отличие от заурядной воровской «малины» было лишь в том, что в углу располагался настоящий наблюдательный пункт с тремя мониторами. За ними сидел здоровенный негр и щелкал кнопками «мыши». С его пояса свисала кобура с пятнадцатизарядной «береттой». Кроме него, в помещении находилось еще трое мужчин – все исключительно с черным цветом кожи и вооруженные до зубов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.